

Научная статья

УДК 902(470.56):903'15:903.53:"638-0"

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.48.12

«Курган в урочище Биш-Оба», раскопки П. С. Назарова 1890 года (курган № 1 могильника Сара) — история изучения и сегодняшний взгляд

Виталий Кимович Федоров

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия, syyri@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8268>

Аннотация. Статья посвящена материалам, полученным при раскопках кургана в Орском уезде Оренбургской губернии в 1890 году, произведенным действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии П. С. Назаровым. В отечественной историографии он долгое время именовался «курган в урочище Биш-Оба». На самом деле это курган № 1 могильника Сара. Замечательные находки, сделанные там, неоднократно привлекали внимание исследователей. Некоторые из них являются уникальными для культуры ранних кочевников Южного Урала — бронзовое зеркало ольвийского (борисфенитского) типа, золотые биконические серьги, предметы резной кости с зооморфными изображениями — ложка и навершие, а также фигурные золотые штампованные бляшки. Материалы кургана как единый комплекс никогда не были предметом полного и всестороннего исследования. В статье подробно рассматриваются все сохранившиеся материалы, а также делается попытка реконструировать погребальный обряд данного захоронения. Дата погребения — конец VI — начало V в. до н.э.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, курганы, ранние кочевники, могильник Биш-Оба, могильник Сара, ольвийское зеркало, золотые серьги, звериный стиль, резная кость, ложка.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания № 122031400062-7 ИЭИ УФИЦ РАН на 2022—2024 гг. «Историко-культурное наследие Южного Урала и Приуралья: изучение, сохранение и музеефикация».

Для цитирования: Федоров В. К. «Курган в урочище Биш-Оба», раскопки П. С. Назарова 1890 года (курган № 1 могильника Сара) — история изучения и сегодняшний взгляд // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 4 (48). С. 202—256. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/12_48_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.48.12.

Original article

“The mound in the Bish-Oba tract”, excavations of P. S. Nazarov of 1890 (mound 1 of the Sara burial ground), the history of the study and today’s view

Vitaliy K. Fedorov

R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, syyri@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8268>

Abstract. The article is devoted to the materials obtained during the excavations of a mound in the Orsk District of the Orenburg Province carried out by a full member of the Orenburg Archival Commission P. S. Nazarov. In Russian historiography it long bore the name of “the mound in the Bish-Oba tract”. In fact it is Mound 1 of the Sara burial ground. Remarkable finds made there have repeatedly attracted the attention of researchers. Some of them are unique for the culture of Southern Urals early nomads — a bronze mirror of the Olbian (Borisfenite) type, gold biconical earrings, items of carved bone with zoomorphic images — a spoon and a finial, as well as ornamented gold stamped badges. The materials of the mound as a single complex have never been the subject of

© Федоров В. К., 2023

a complete and comprehensive research. The article examines in detail all the surviving materials and makes an attempt to reconstruct the funeral rite of this burial. The burial dates back to the end of the 6th — the beginning of 5th century B.C.

Keywords: Orenburg Province, mounds, early nomads, Bish-Oba burial ground, Sara burial ground, Olbian mirror, gold earrings, animal style, carved bone, spoon.

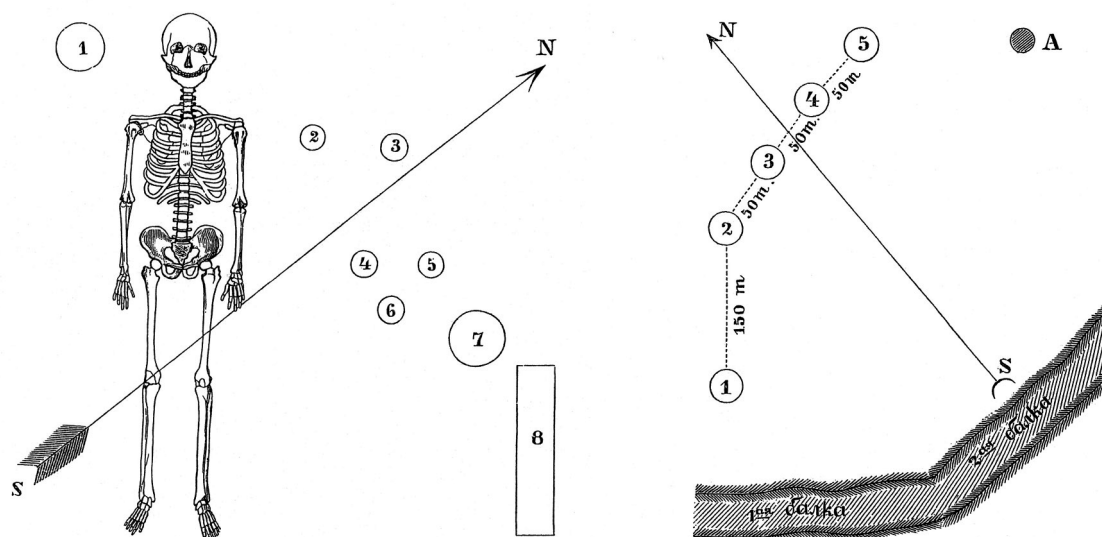
Acknowledgments. The study was implemented within the state assignment no. 122031400062-7 of the Institute of Ethnological Studies of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2022—2024 “Historical and cultural heritage of the Southern Urals and Cis-Urals: exploration, preservation and museification”.

For citation: Fedorov V. K. “The mound in the Bish-Oba tract”, excavations of P. S. Nazarov of 1890 (mound 1 of the Sara burial ground), the history of the study and today’s view. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 4 (48), pp. 202—256. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.48.12>.

Введение

Раскопки этого кургана в Орском уезде Оренбургской губернии, проведенные членом Антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАиЭ) Петром Степановичем Назаровым¹, стали одними из первых, что дали яркие находки эпохи ранних кочевников на Южном Урале. Некоторые из них остаются до сегодняшнего дня уникальными.

Материалы известны по короткой заметке, опубликованной в Трудах Антропологического отдела «Известий ИОЛЕАиЭ». Она была составлена редактором издания А. Н. Харузиным из описания раскопок, сделанного П. С. Назаровым, и научного обзора находок, выполненного хранителем Исторического музея В. И. Сизовым, подписана инициалами «А. Х.» [1]. Статья сопровождалась иллюстрациями — планы курганов и погребения, а также рисунки почти всех вещей (рис. 1, 2).

Чер. I. Положение костяка и найденных предметов: 1 — скелет (рис. 1), 2—серьги (рис. 4 и 5), 3—рукоять (рис. 7), 4—оселок, 5—ложка (рис. 8), 6—большая раковина с реальгаром (распалась), 7—большой глиняный горшок (распался), 8—кости лошади

Чер. II. Схема положения кургана на Бишь-Уба: 1, 2, 3, 4 и 5—пять курганов типа «сторожевых», А—курган, раскопанный в 1890 г. П. С. Назаровым.

Рис. 1. План погребения и план курганов в урочище Бишь-Оба (могильник Сара), по: [1]

¹ О нем см. нашу статью в «Вестнике Оренбургского государственного педагогического университета» [93].

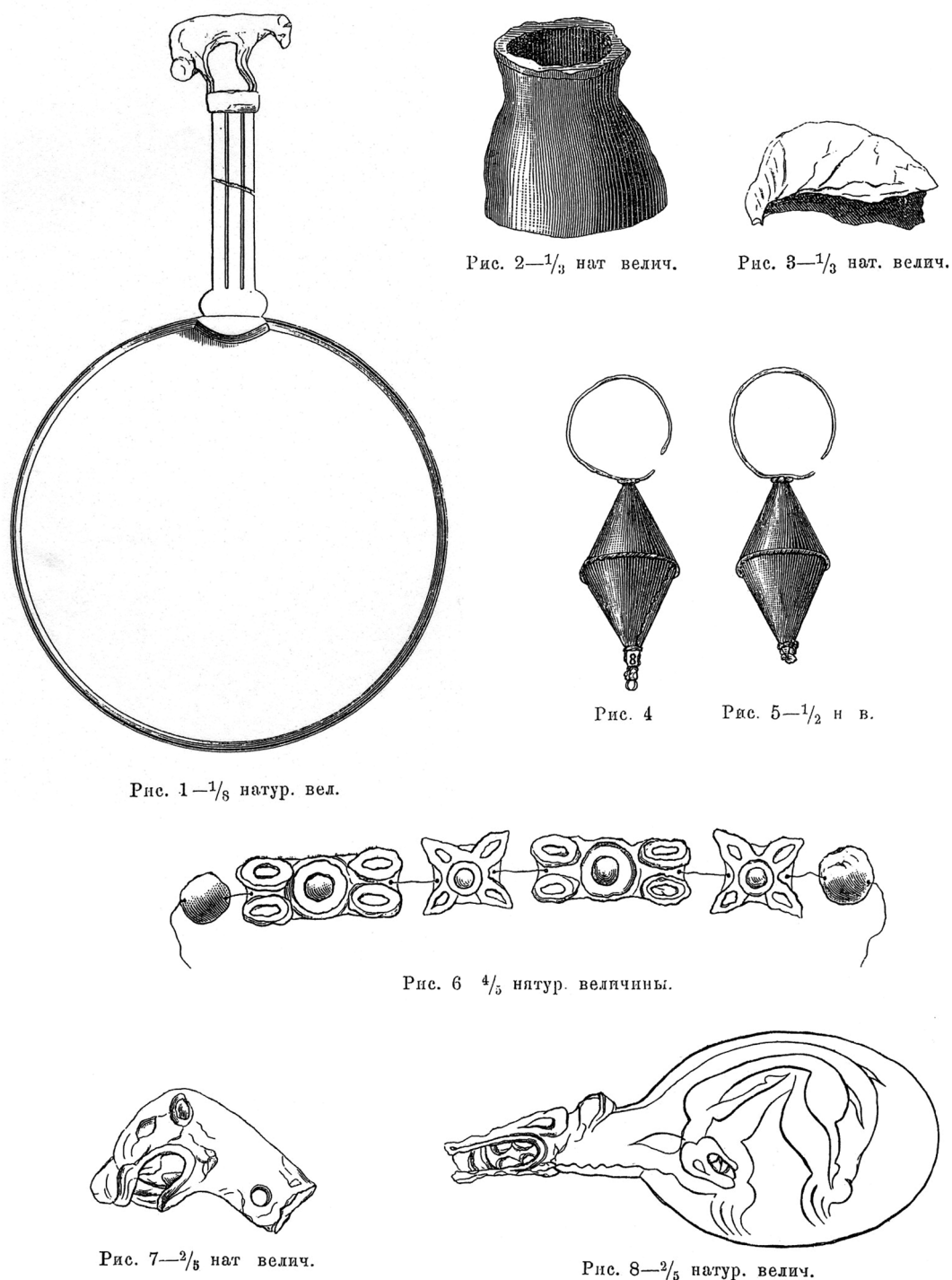

Рис. 2. Предметы из раскопок кургана в урочище Биш-Оба (курган № 1 могильника Сара), по: [1]

В продолжение почти 30 лет эта находка не привлекала внимания исследователей. Даже Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК), пристально следившая за всеми археологическими событиями, связанными с Оренбургской губернией, и оперативно отражавшая их в выпусках своих трудов, ее ни разу не упомянула. Не сделал этого и И. А. Кастанье в своем фундаментальном труде «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» [42], где приведены сведения даже о совсем незначительных работах и находках.

Лишь в 1918 г. М. И. Ростовцев вернул материалы этого кургана из небытия. В своей книге «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма»

он кратко описал погребение и более подробно находки, часть из которых представлена на таблице VII в виде высококачественных фотографий — золотые серьги и бляшки, костяные ложка и рукоять, а также бусы [69, с. 26—27, табл. VII, 1—4], фотографии М. И. Ростовцев получил из Московского Исторического музея благодаря «любезности А. В. Орешникова», в то время — его хранителя (рис. 3).

Матеріали по археології Росії, № 37

Табл. VII

Рис. 3. Предметы из кургана в урочище Биш-Оба в книге М. И. Ростовцева [69, табл. VII, 1—4]

Что касается датировки, то М. И. Ростовцев указал на то, что «стиль серег, золотых бляшек и костяных вещей, из которых последние стоят в теснейшей связи с алтайскими и минусинскими находками раннего железного века, не позволяет идти дальше VI в. до Р. Хр.» [69, с. 30], это нижняя граница хронологического периода, к которому, по его мнению, можно отнести погребение, верхнюю же М. И. Ростовцев обозначил как III—II вв. до н.э. на основании изучения золотых штампованных бляшек [69, с. 78—79]. Отдельно следует отметить, что на «Карте важнейших курганных погребений Южного Приуралья» из книги М. И. Ростовцева памятник показан на правильном месте в верховьях реки Чебаклы [69, с. 103] (рис. 4).

В 1925 г. в своем фундаментальном труде «Скифия и Боспор» М. И. Ростовцев также привел краткое описание находок П. С. Назарова [70, с. 601], но хронологическую позицию не указал.

В 1928 г. Б. Н. Граков достаточно подробно описал комплекс в своей статье «Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural», снабдив текст двумя фотографиями костяных предметов, заимствованными из книги М. И. Ростовцева [101, p. 51—52, fig. 22, 26]¹. О датировке комплекса Б. Н. Граков пишет: «Le miroir de la trou-

¹ В 1999 г. статья издана в переводе на русский язык, описание комплекса находится на с. 25, рисунки наверху с головой хищника и ложечки [25, рис. 5, 5; 6, 9] заимствованы из САИ 1963 г. В нашей работе мы будем цитировать оригинальный текст Б. Н. Гракова 1928 года и при необходимости давать перевод из публикации 1999 г. (не вполне аутентичный).

ville de Nazarov fait reporter toute la sépulture vers la limite entre les VIe et Ve siècles avant J.C.»¹ [101, p. 60]. На карте [101, fig. 1] Вич-Оба располагается на р. Урал, несколько выше г. Орска (рис. 5). Начиная с этой работы местоположение кургана вплоть до начала XXI века определялось неверно — как располагающееся в окрестностях г. Орска.

В 1947 г. в статье «ГУНАІКОКРАТОУМЕНОІ (пережитки матриархата у сарматов)» Б. Н. Граков называет его — «замечательное женское погребение на Бис-обе, близ Орска, очень богатое», указывает, что раскопал его Назаров в 1888 г. [23, с. 108]. При этом в статье фигурирует еще одна Бис-оба — у пос. Благословенского в окрестностях г. Чкалова (Оренбурга).

В своде «Савроматы Поволжья и Южного Приуралья» памятник назван «Биш-Оба, урочище» и определен как курган конца VI в. до н.э. [78, с. 16], материал рассеян по таблицам. Для костяных предметов выполнены новые рисунки [78, табл. 22, 2, 4], а также опять были использованы их фотографии из книги М. И. Ростовцева 1918 г. [78, табл., 23, 1, 2], золотые бляшки и серьги представлены рисунками, выполненными, с высокой долей вероятности, по фотографиям из книги М. И. Ростовцева [78, табл., 26, 5—10], бусины (9 шт.) представлены цветным рисунком [78, табл. 27, 4], зеркало — новым рисунком [78, табл. 29, 15], целый же ряд предметов в свод не попал (рис. 6).

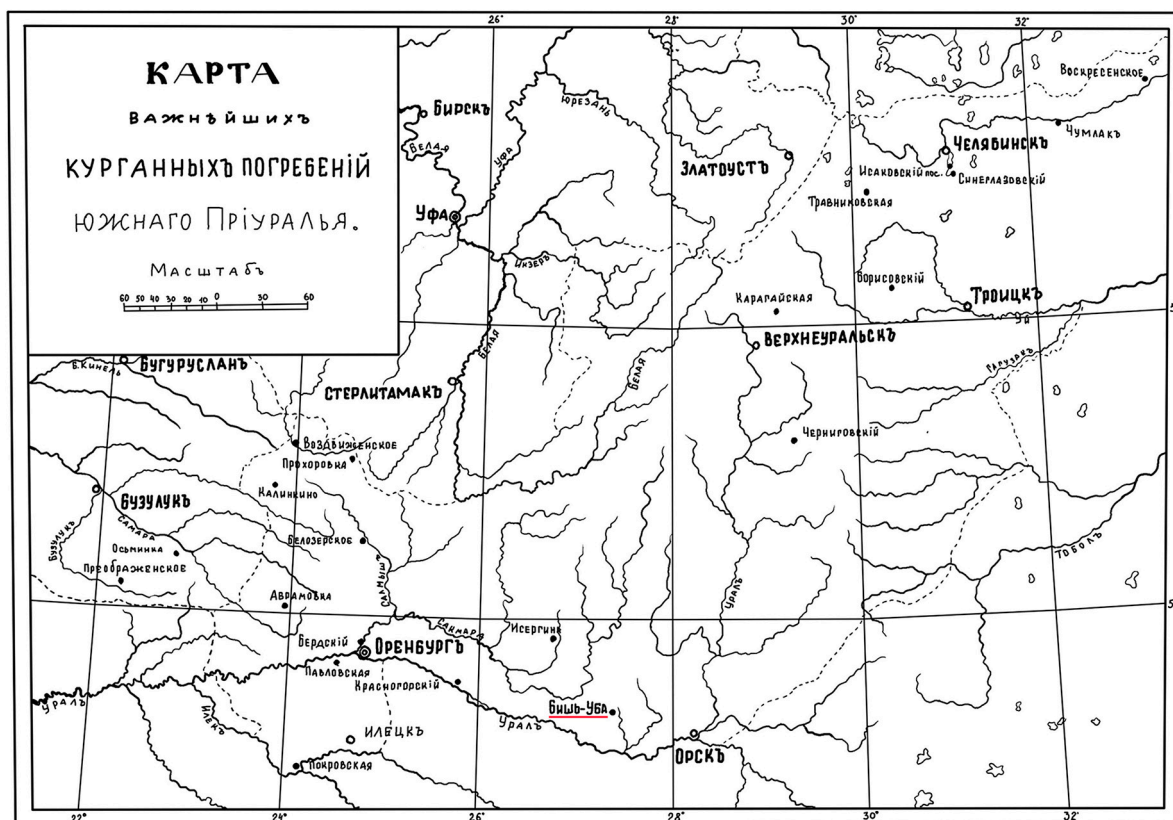

Рис. 4. «Карта важнейших курганных погребений Южного Приуралья» (по [69, с. 103])
с правильным указанием местонахождения кургана в урочище Биш-Оба

¹ «Зеркало, найденное Н. С. Назаровым (Биш-Оба), заставляет отнести все погребение к рубежу VI и V веков до нашей эры» [25, с. 31]. П. С. Назарову здесь приписаны неправильные инициалы «Н. С.», что мы видим и у К. Ф. Смирнова [73, с. 8, 75] и Б. Ф. Железчикова [32, с. 30].

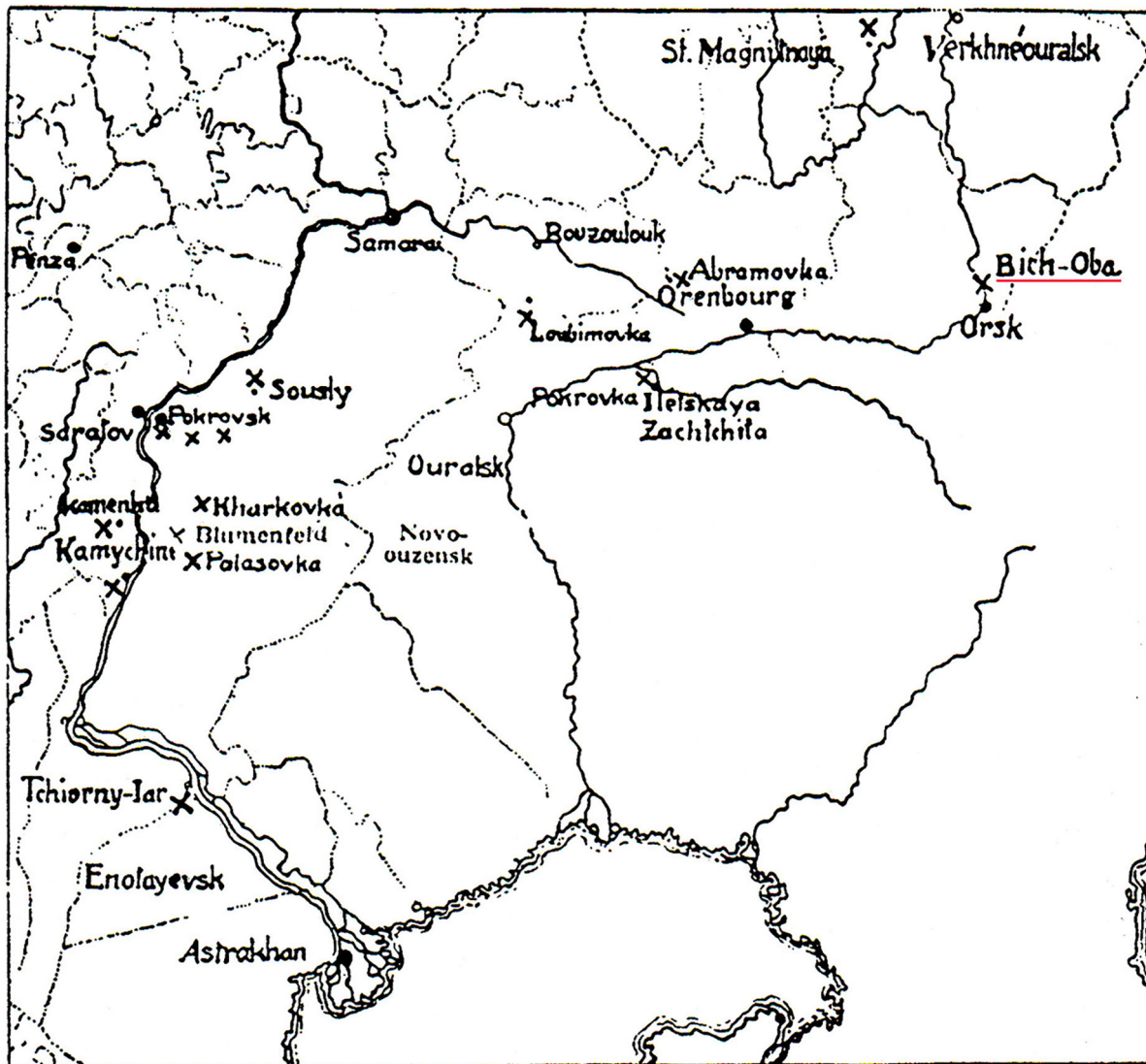

Рис. 5. «Carte montrant la situation des lieux examinés», по: [101, fig. 1], то же — «Карта памятников Волго-Уральского региона», по: [25, рис. 1], с неправильным местоположением кургана в урочище Биш-Оба

В «Савроматах» К. Ф. Смирнова на рисунке 10 собраны изображения всех предметов, в том числе никогда не публиковавшихся. Золотые бляшки и серьги, бусы и предметы резной кости представлены теми же фотографиями, что в книге М. И. Ростовцева [73, рис. 10, 1а—1з]. К ним прибавлена фотография зеркала, происходящая, по всей вероятности, из той же ГИМовской серии [73, рис. 10, 1и]. Не публиковавшиеся ранее каменные предметы и костяная пластинка представлены рисунками, выполненными, очевидно, по оригиналам предметов [73, рис. 10, 1к, 1м, 1н, 1о]. Рисунки же сосуда и раковины [73, рис. 10, 1л, 1о] изготовлены, судя по всему, по иллюстрациям из статьи 1890 года (рис. 7).

Что касается даты погребения, то К. Ф. Смирнов включил его в группу памятников конца VII — VI в. до н.э., указав, что Б. Н. Граков в работе 1928 г. «уточнил датировку курганов Елга и Биш-Оба, отнеся их к концу VI в. до н.э.» [73, с. 40], хотя ничего подобного Б. Н. Граков не писал, а датировал Биш-Обу рубежом VI и V веков до н.э.

Целый ряд «назаровских» находок — зеркало, костяные резные предметы в зверином стиле и золотые украшения — стали «дежурными» в иллюстрациях, представляющих

материальную культуру «савроматов» Южного Приуралья [81, табл. 66, 6; 69, 8; 71, 20, 26а, 28, 29; 32, рис. 5], попали в учебные пособия и учебники [33, рис. 6; 4, рис. на с. 329, 19], а также широко привлекались при исследовании проблем хронологии, международных связей и искусства ранних кочевников Южного Урала.

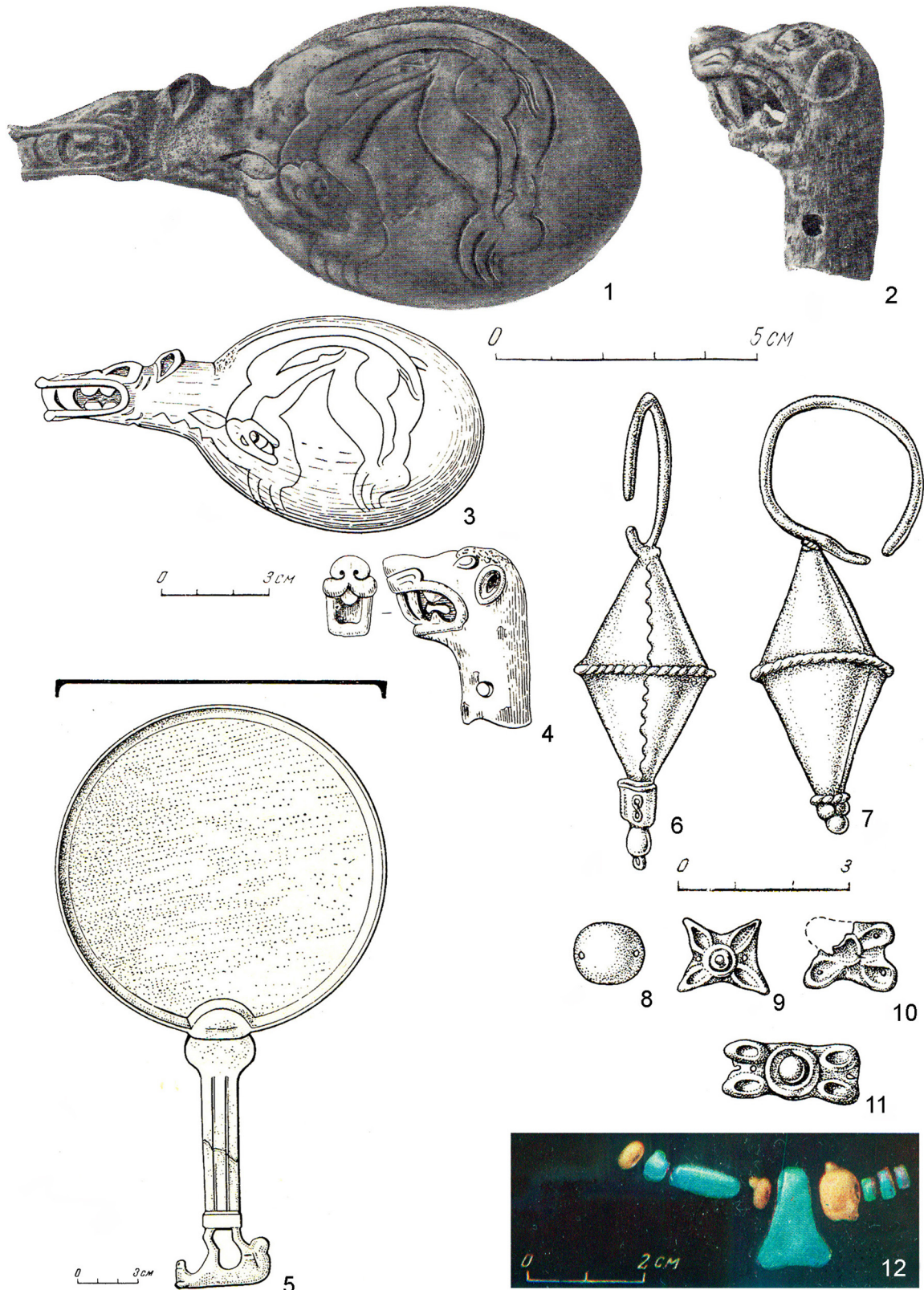

Рис. 6. Предметы из кургана в урочище Биш-Оба по: [78]

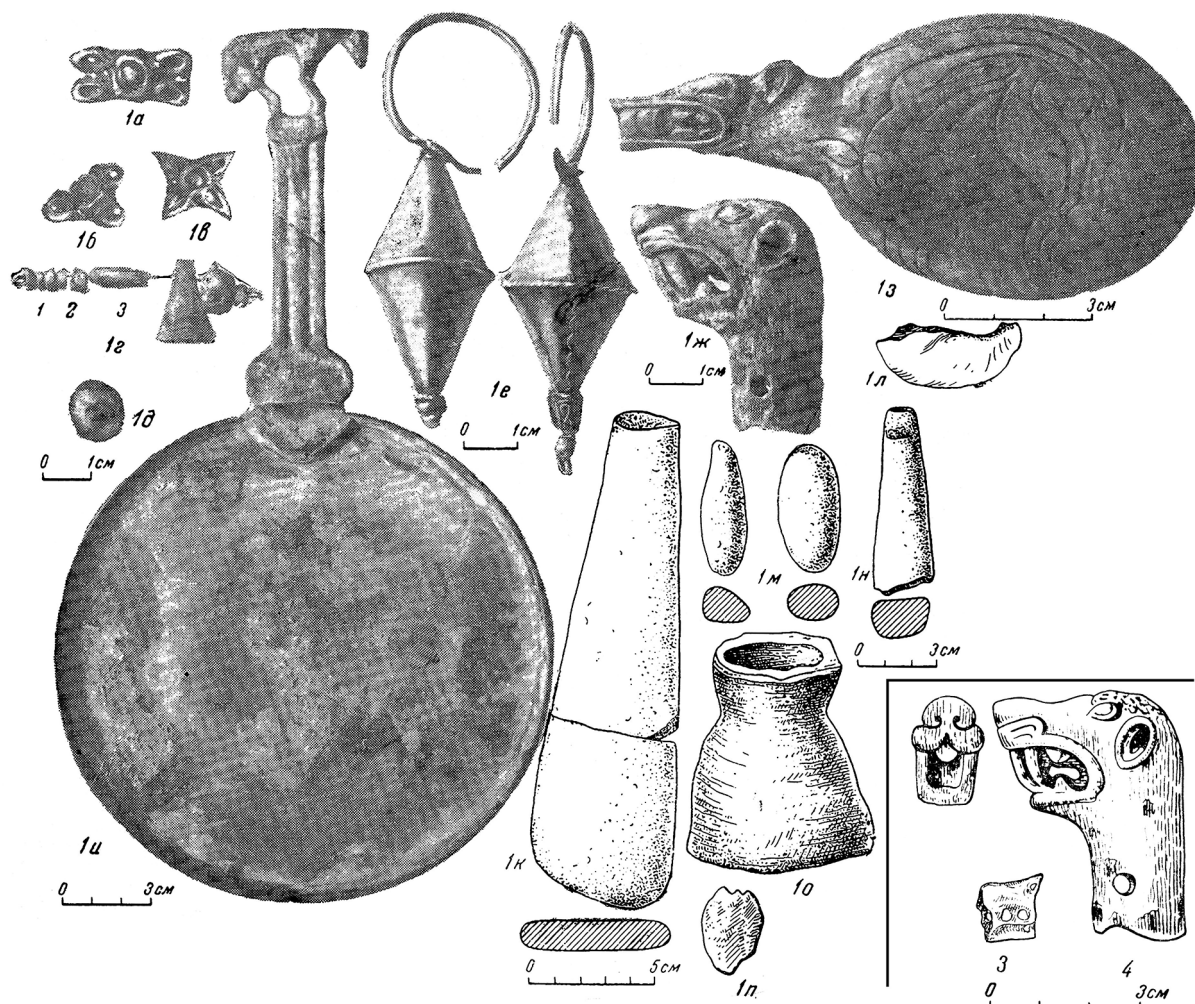

Рис. 10. Комплексы второй половины VI в. до н. э. в курганах района г. Орск:

1а — п — урочище Биш-Оба, курган; 1а — в, д — бляшки (всего 50, из них а — в — по 2; д — 44); 1г — бусины из стекловидной пасты (1 — соломенно-желтые, 2 — голубые, 3 — синие); 1е — серьги; 1ж — навершие или наконечник; 1з — ложка; 1и — зеркало; 1к, н — точильные бруски; 1л — раковина *grifea* (всего 3 с синей и серебристой красками и реальгаром); 1м — галька; 1о — сосудик; 1п — пластинка; 1а — в, д, е — золото; 1ж, з — рог; 1и, п — бронза; 1к — н — камень; 1о — глина.

Рис. 80. Изображение хищника и копытных в савроматском искусстве Приуралья:

3, 4 — урочище Биш-Оба, курган; 3 — золото; 4 — кость, рог;

Рис. 7. Предметы из кургана в урочище Биш-Оба, по: [73, рис. 10, 80]

В работах по раннекочевнической тематике курган фигурировал под разными названиями — Биш-Уба, Bish-Oba, Bishe-Obá, Бис-Оба, Биш-Оба, с 1960-х годов устоявшимся в науке именованием стало «курган в урочище Биш-Оба в районе г. Орска» [73, рис. 10]. В начале XXI века орский археолог О. Ф. Бытковский установил, что этот курган является курганом № 1 известного могильника Сара в Кувандыкском районе Оренбургской области [13]. Этот курганный могильник, расположенный в 6 км к северо-востоку от пос. Сара и в 4,5 км юго-западнее железнодорожной станции Сара Кувандыкского района Оренбургской области, на водоразделе рек Урал и Сакмара, в степи, стал известен в науке после того, как летом 1928 г. научным сотрудником Оренбургского окружного краеведческого музея Дмитрием Ивановичем Захаровым на нем были проведены небольшие исследовательские работы. В 1993 г. нами были исследованы 3 крупнейших кургана могильника [88] (рис. 8). Этим история изучения могильника исчерпывалась. Теперь известно, что это не так, и дата его первых раскопок относится к более отдаленному времени. Установление истины породило некоторую проблему, а именно — как теперь правильно именовать исследованный в 1890 г. П. С. Назаровым курган?

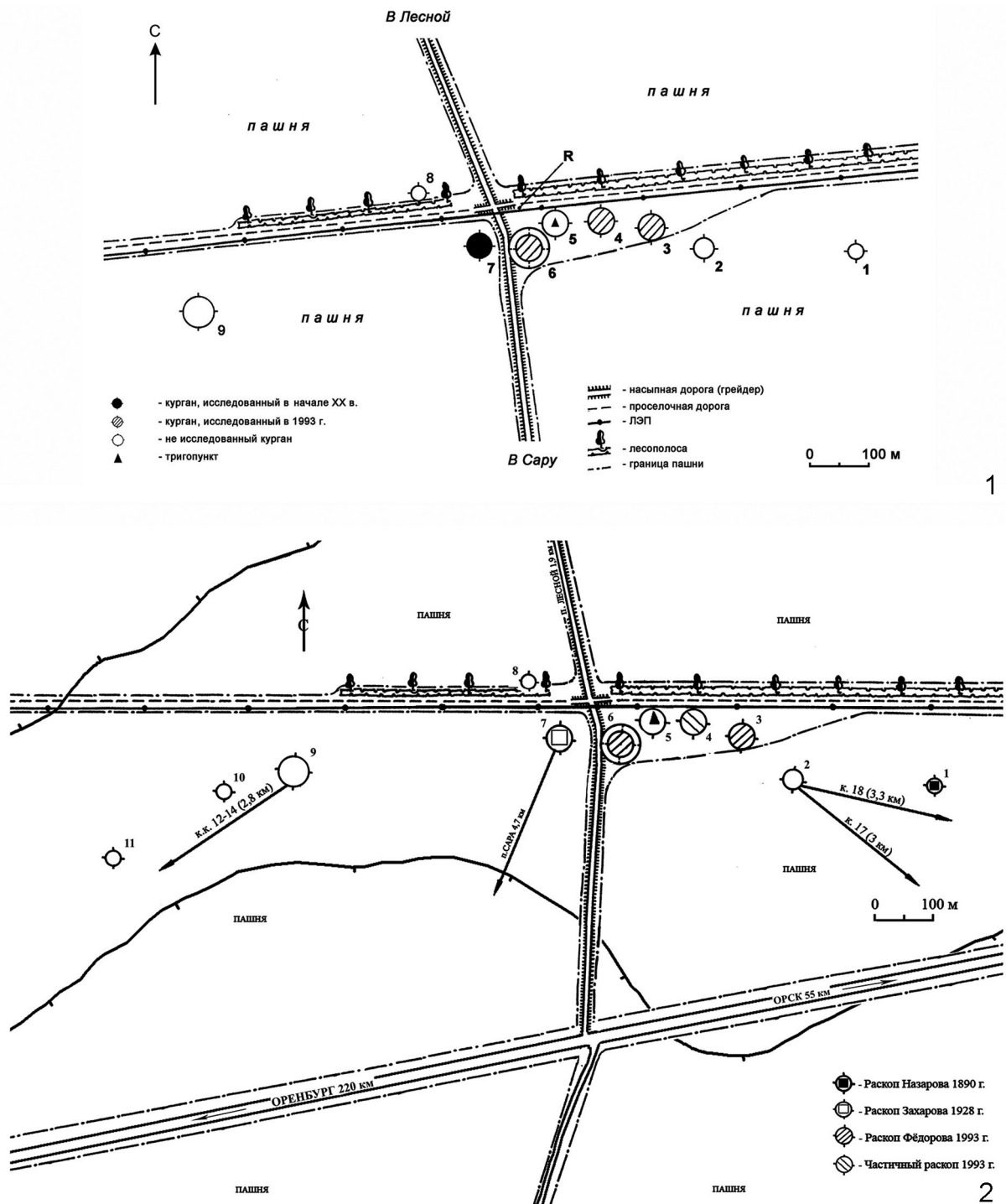

Рис. 8. План могильника Сара. 1 — по: [88, рис. 1, 3], 2 — по: [13, рис. 5]. На обоих вариантах плана курган 1 — «курган в урочище Биш-Оба»

В названии настоящей статьи мы именовали его «курган в урочище Биш-Оба», оговорив, что это то же самое, что «курган № 1 могильника Сара». В тексте статьи мы почти везде используем название «Биш-Оба», поскольку содержание нашей работы носит в большой степени историографический характер, и исправление «традиционного» названия на правильное в каждом случае привлечения нами работ предшественников исказило бы их слова и утяжелило восприятие. Несмотря на то что в профессиональной среде об идентичности «кургана в урочище Биш-Оба» и кургана № 1 могильника Сара известно уже более 10 лет — из доклада «К вопросу о географической локализации кургана в

урочище Биш-Оба (по данным историографических исследований)», прочитанного О. Ф. Бытковским на V региональной (с международным участием) научно-практической конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале» (Челябинск, 20—23 ноября 2012 г.), в литературе до сего дня продолжают встречаться упоминания «кургана Биш-Оба близ Орска», см. напр. [82, с. 180]. Можно предполагать, что быстрого и полного отказа от именованного памятника «курганом Биш-Оба» в обозримом будущем не произойдет, слишком сильна ассоциация его яркого материала с устоявшимся за более чем 100 лет названием. Однако, как бы то ни было, то, что это курган № 1 могильника Сара, установлено и поделаться с этим ничего нельзя, рано или поздно это наименование будет принято как единственно правильное (может быть, с оговоркой: «ранее Биш-Оба»).

Материалы кургана за более чем 130 лет, минувших со дня его раскопок, как единый комплекс никогда не были предметом полного и всестороннего исследования. Обращение к ним было достаточно беглым, поверхностным, не избежало ошибок. Свою роль сыграло то, что они получены в результате ранних неквалифицированных раскопок. Однако, несмотря на это, по нашему мнению, они заслуживают тщательного рассмотрения.

Результаты исследования

Погребальный обряд. Из краткого его описания, сделанного П. С. Назаровым, можно узнать сравнительно немного: «Местность, в которой находился курган, называется Бишь-Уба, т.е. пять курганов, и лежит к западу от вершины р. Чебаклы (эта вершина зовется иначе Сары-Балчик). Она представляет из себя сырт, ограниченный с юга двумя сходящимися под углом балками (чер. II), в недавнее время еще покрытыми густым лесом; отверстие этого угла защищено пятью громадными курганами, по своему типу относящимися к “сторожевым”. Кроме означенных больших курганов здесь находится еще несколько маленьких, сильно расплывшихся и почти совсем распаханых курганов, из которых я раскопал один, лежащий к востоку от крайнего (восточного же) сторожевого. Курган возвышался всего на метр от уровня почвы, при окружности в 80 метров. Раскопка велась колодцем в 2 м в диаметре. При начале раскопки не встречено ни камня, ни угля, ни дерева, — изредка только попадались истлевшие волокна от веревок и кусочки шерсти от войлока, и только на глубине 2 м показался слой березового дерева в $\frac{1}{4}$ м толщиной, слой этот имел сильный наклон к югу; пробивши его и пройдя еще 3 метра вниз, встречена была подпочва-глина, нетронутая еще руками человека. Дойдя до почвы в центре кургана, раскопка была направлена в сторону (к югу) траншей по направлению др. слоя; при этом пришлось еще несколько углубиться. Через $\frac{3}{4}$ м в этом направлении найдена красная краска¹, положенная в раковину, которую не было возможности взять. Затем были найдены кости лошади (позвоночник, ребра и задняя нога), под которыми был пепел, а около стояла глиняная корчага, совершенно распавшаяся. Еще далее вглубь были найдены две серьги (рядом), костяная ложка, оселок, костяная ручка. Затем найден и самый скелет в лежачем положении; вокруг головы у него были пуговицы, а по правую руку зеркало, на котором стояли кувшинчик (в центре), 3 раковины с красной, синей и черной блестящей красками (раковина с последней развалилась), два овальных камешка и костяная пластинка (вероятно, для растирания красок). Под зеркалом была кожа с поперечной деревянной перекладкой, около которой лежали две бус[ин]ы синего стекла — одна бочонкообразная, а другая в виде топорики. Кроме того, около черепа найдены бусы стеклянные и из египетской пасты. Теменные кости самого черепа позеленели от какого-то медного украшения, а верхнелицевые покрыты были окисью железа» [1, стб. 298—299].

¹ По анализу оказался реальгаром As₂S₂.

В дальнейшем исследователи описывали погребение очень кратко. М. И. Ростовцев: «В кургане найдена была грунтовая могила, может быть, покрытая деревом. В ней лежал скелет, вероятно, женский; тут же костяк лошади» [69, с. 26]. «В кургане открыта была грунтовая могила, м.б., покрытая деревом. В ней скелет, м.б., женский. Тут же костяк (не кости ли туши?) лошади» [70, с. 601]. У Б. Н. Гракова несколько подробнее: «Ici le tombeau est sous un kourgane de grandeur moyenne dans une fosse presque quadrangulaire. Les dimensions de la tombe ne sont pas données. Mais on lit dans le journal que sa profondeur était presque de 4 mètres. La fosse aussi bien que la défunte étaient orientées vers le nord-ouest. Dans le coin de la tombe se trouvait l'entrepôt avec les ossements d'un cheval sans crâne. La tombe était couverte d'un toit à une pente, en poutres de bouleau»¹ [101, p. 51].

В «Савроматах» К. Ф. Смирнов о погребальном обряде этого кургана не пишет, в обширной главе «Погребальный обряд савроматов» он не упоминается [73, с. 75—103]. Есть лишь пассаж о том, что несовершенство методики раскопок «старых археологов», таких как Ф. Д. Нефедов, И. А. Кастанье, Н. С.² Назаров, «привело к тому, что многие детали обряда ускользнули от внимания этих исследователей» [73, с. 75].

Авторы, писавшие о погребальном обряде этого кургана, предельно кратки, причем ими проигнорированы некоторые точные сведения, а также кое-что домыслено, и все сделанные до сих пор попытки восстановить погребальный обряд в Биш-Обе нужно признать не достигшими своей цели. На наш взгляд, краткого описания П. С. Назарова вполне достаточно, чтобы убедительно реконструировать его.

«Курган возвышался всего на метр от уровня почвы, при окружности в 80 метров». Стало быть, диаметр кургана составлял около 25 м ($80 : 3,14 = 25,4777\dots$). В 1993 г. при съемке плана могильника курган был обмерен нами, его диаметр был 25 м, высота 0,6 м [86, рис. 4]. Уменьшение высоты произошло из-за интенсивной распашки.

«Раскопка велась колодцем в 2 м в диаметре». Хотя место закладки колодца не указано, можно предположить, что он был в центре кургана.

«При начале раскопки не встречено ни камня, ни угля, ни дерева, — изредка только попадались истлевшие волокна от веревок и кусочки шерсти от войлока...». Вероятно, органические остатки имели позднее происхождение.

«...И только на глубине 2 м показался слой березового дерева в $\frac{1}{4}$ м толщиной, слой этот имел сильный наклон к югу». Слой березового дерева — остатки какого-то сооружения под насыпью. То, что он имел наклон к югу, наводит на мысль о том, что здесь было шатровое сооружение, подобное тому, что мы исследовали в кургане № 6 [86, рис. 116]. Б. Н. Граков пишет: «La tombe était couverte d'un toit à une pente, en poutres de bouleau» [101, p. 51], т.е. «Могила имела пологое перекрытие, сделанное из березового бруса» [25, с. 25]. Вероятнее всего, здесь было простое плоское перекрытие могильной ямы, а уклон к югу образовался в силу естественных причин. Смущает большая глубина залегания древесного слоя. Как остатки шатрового сооружения, так и плоское перекрытие должны фиксироваться на уровне погребенной почвы. Сомнительно, чтобы она находилась на глубине 2 м. В 1993 г. при раскопках кургана № 3, располагавшегося в 250 м к западу от кургана 1, нами было зафиксировано, что уровень древней поверхности почти совпадал с современным уровнем поля, на котором располагаются курганы. Над ним имеется лишь пахотный слой мощностью 0,25—0,3 м, сама же погребенная почва имеет мощность до

¹ «Оно находилось под курганом средней величины, в яме, имевшей почти четырехугольную форму. Более точные данные о размерах могилы отсутствуют, но, согласно данным, приведенным в дневнике раскопок, ее глубина достигала почти четырех метров. Как покойный, так и могила были ориентированы с СЗ на ЮВ. В углу ямы находилось скопление костей лошади без черепа. Могила имела пологое перекрытие, сделанное из березового бруса» [25, с. 25].

² П. С. Назарову здесь приписаны неправильные инициалы «Н. С.», как уже отмечалось выше.

0,6 м. По всей вероятности, и в кургане 1 погребенная почва располагалась на глубине примерно 1—1,3 м. Глубина залегания древесного слоя и его наклон могут быть объяснены его «проваливанием» в силу причин, которые будут объяснены ниже.

«...Пробивши его и пройдя еще 3 метра вниз, встречена была подпочва-глина, не тронутая еще руками человека». Материк, таким образом, был найден на глубине 5,25 м.

«Дойдя до почвы в центре кургана, раскопка была направлена в сторону (к югу) траншей по направлению др. слоя; при этом пришлось еще несколько углубиться». Объяснить такие действия раскопщиков можно тем, что в южной части колодца им открылся рухнувший свод погребальной камеры, дно которой находилось ниже уровня материка. «Траншейей» П. С. Назаров назвал, вероятнее всего, врезку в южную стенку колодца, «другим слоем» — заполнение погребальной камеры.

О форме и размере погребальной камеры судить сложно. Согласно опубликованному плану погребения, где основным «мерилом» служит костяк погребенного [1, чер. I], протяженность ее в южном направлении была не менее 1,8—2 м, а по линии «запад — восток» еще больше, не менее 2,5 м. Высота камеры, вероятно, была значительной, об этом можно судить по тому, что слой березового дерева над погребением приобрел «сильный наклон к югу», скорее всего, в результате проседания грунта при обрушении свода погребальной камеры.

Достаточно подробно описано само захоронение человека и сопровождавшие его вещи (см. выше).

Рисунок погребения составлен из стандартного изображения скелета, заимствованного в каком-то антропологическом или медицинском пособии (?), и обозначений кружками найденных предметов, а прямоугольником — костей лошади. Ориентирован костяк головой на северо-запад. Сомнения М. И. Ростовцева в том, женский ли костяк, излишни — таз покойного был изучен антропологом и определен им как женский [3]. На плане нет границ погребальной камеры, которая, впрочем, может быть, и не была расчищена полностью.

Таким образом, конструкция исследованного П. С. Назаровым могильного сооружения представляла собой погребальную камеру, устроенную в южной стенке глубокой (не менее 3—4 м) входной ямы, которая была перекрыта накатом из березовых бревен. Входная яма, по всей вероятности, не была засыпана грунтом, и перекрытие по мере истлевания дерева смещалось ниже и ниже. Если предположить, что погребенная почва была на глубине около 1 м от вершины насыпи, получится, что глубина входной ямы могла составлять порядка 4 м. Форма и точный размер погребальной камеры на основании имеющихся данных не реконструируются. Это могла быть катакомба или подбой. Когда рухнул свод погребальной камеры, остатки перекрытия, и так уже просевшие вниз, в южной части просели еще глубже, образовав тот самый «наклон к югу», который был отмечен П. С. Назаровым.

Обычно входные ямы забутовывались камнями или заполнялись плотным грунтом, например глиной. Деревянные перекрытия над ними встречаются нечасто. В кургане 4 могильника Сибай I бревенчатый накат перекрывал две центральные могилы, одна из которых была подбойной [52, с. 52—55, рис. 1; 15, с. 29—31, 34—36, рис. 15; 18, 2]. В тех случаях, когда был зафиксирован поперечный разрез перекрытой деревом подбойной могилы, слой дерева на нем располагался именно так, как это описано в случае с «курганом в урочище Биш-Оба», — имел наклон в сторону рухнувшего перекрытия подбоя, см. например Филипповка I, курган 24, погребение 2 [67, рис. 150]. Погребение в «кургане в урочище Биш-Оба» — не единственное камерное погребение в могильнике Сара. В кургане 3 нами было исследовано впускное погребение 2 с обширной погребальной каме-

рой, устроенной в западной стенке глубокой входной ямы (около 4 м). Последняя была заполнена красной материковой глиной [95, с. 378—379, рис. 1]. Оно датировано нами V — началом IV в. до н.э. [95, с. 387].

Таким образом, курган, раскопанный П. С. Назаровым, имел диаметр около 25 м, высоту около 1 м. Погребальная камера представляла собой катакомбу, устроенную в южной широкой стенке входной ямы (размеры которой мы не можем установить, кроме глубины — около 4,25 м), протяженностью в южном направлении около 1,8—2 м, по линии восток — запад — не менее 2,5 м. На уровне погребенной почвы входная яма была перекрыта накатом из березовых бревен, который просел со сползанием южной части ниже, чем северная (рис. 9).

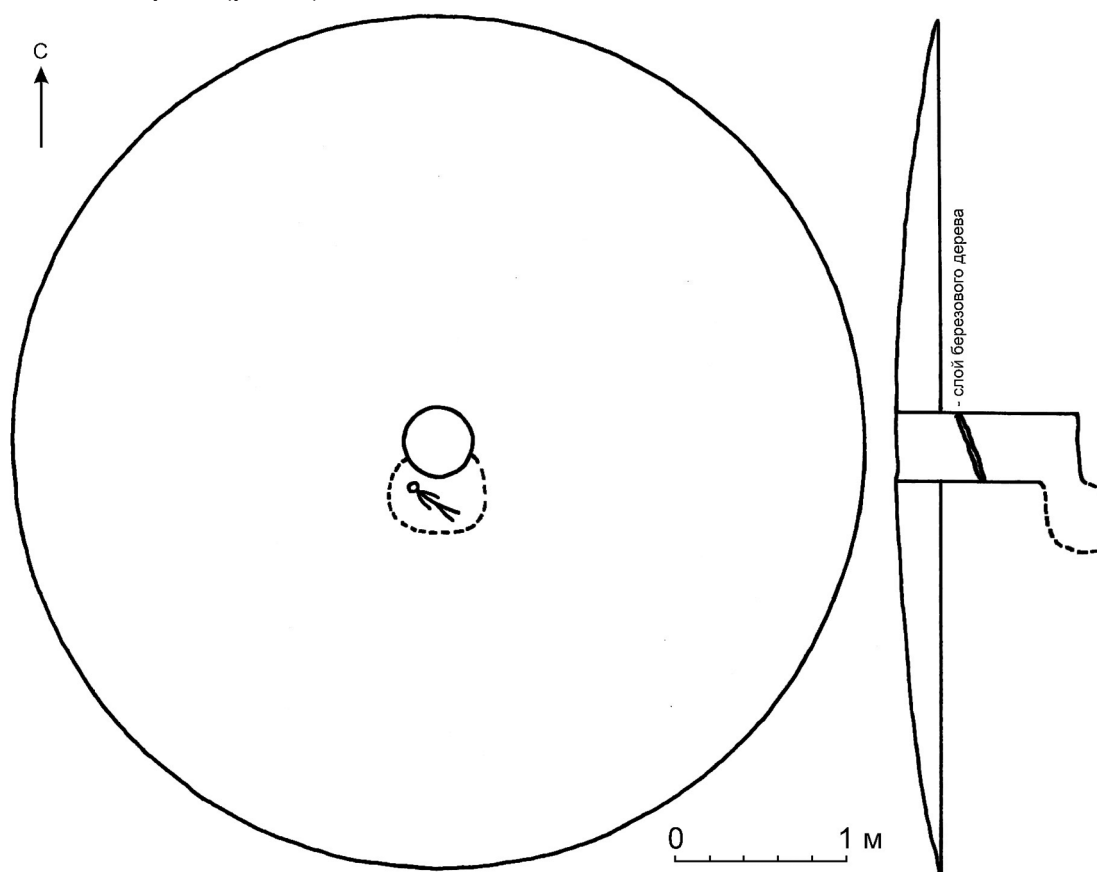

Рис. 9. Курган в урочище Биш-Оба (курган № 1 могильника Сара), реконструкция автора

Погребальный инвентарь. Ныне он хранится в Государственном историческом музее (г. Москва) и находится почти в полном объеме в его экспозиции (рис. 10).

Мы выражаем глубокую признательность хранителю фонда археологии ГИМ К. Б. Фирсову за содействие в работе, организацию беспрепятственного доступа ко всем предметам и к учетной документации. Фотографии предметов выполнены Я. В. Рафиковой, рисунки — И. В. Рукавишниковой, которым мы также выражаем глубокую признательность. В чередовании описаний находок мы будем отталкиваться от Главной инвентарной книги Государственного исторического музея (ГИК ГИМ), где об этой коллекции сделана следующая запись:

«От Антропологического Отдела Общества Любителей Естествознания и Антропологии:

Древние вещи из кургана, разрытого г. Назаровым в Орском уезде Оренбургской губернии, в числе 64 предметов. Из них кроме мелких золотых украшений в количестве 51

замечательны две золотые дутые серьги, имеющие форму двух сложенных основаниями конусов; вершина одного конуса укреплена к золотому кольцу, а вершина другого заканчивается украшением из шариков.

Из других вещей особого внимания заслуживает по художественной технике и по стильности изображений резное из кости навершие, изображающее голову зверя с открытой пастью и большими зубами. Примечательна также резная из кости ложка, короткая ручка которой представляет обронное¹ изображение головы зверя, туловище которого изображено резьбой на поверхности самой ложки. Внутри этого туловища помещен контур подобного зверя, но меньшего размера. Все означенные вещи носят признаки скифской эпохи, а своим художественным стилем напоминают подобные вещи из Сибири» [21, л. 7, 7 об.].

Рис. 10. Предметы из кургана в урочище Биш-Оба (кургана № 1 могильника Сара) в экспозиции Государственного исторического музея — № 5, 8, 9, 10, 11, 12

Попредметная запись в ГИК ГИМ имеет маргиналию на полях «*Дар Общества Любителей Естествознания и Антропологии*», вещи записаны под номерами 21068—21081 [21, л. 138 об., 139]:

21068. Ожерелье из электрона, состоящее из 44 половинок дутых шариков и 7 пластинок в форме звездочек и четырехугольной продолговатой формы — штампованных.

Это не ожерелье, а бляшки, которыми был украшен головной убор (?). Описывая скелет погребенной, П. С. Назаров говорит, что *вокруг головы у него были пуговицы*, а В. И. Сизов упоминает *золотое ожерелье (рис. б), которое состояло из золотых дутых шариков и звездообразных украшений*, опубликованы рисунки двух полушаровидных, двух в

¹ Так в документе. — В. Ф.

виде звездочек и двух продолговатых бляшек [1, рис. 6]. Начиная с 1918 г. публиковались изображения одной полушаровидной бляшки, одной звездчатых очертаний и двух продолговатых (одна из которых короче другой и сохранилась не полностью) [69, табл. VII, 3; 78, табл. 26, 5—8¹; 73, рис. 10, *1a, 1б, 1в, 1д*²]. Сегодня в фондах ГИМ хранится 43 полушаровидных, 2 звездчатых и 2 продолговатых бляшки. Отсутствуют 1 полушаровидная и 3 бляшки иных форм, в том числе та, что сохранилась не полностью.

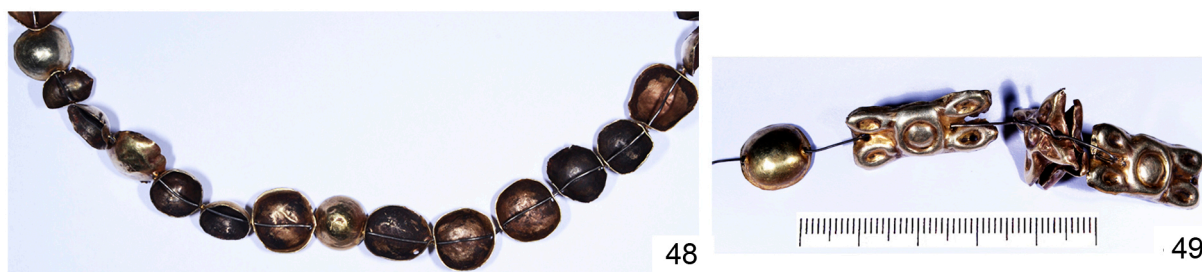
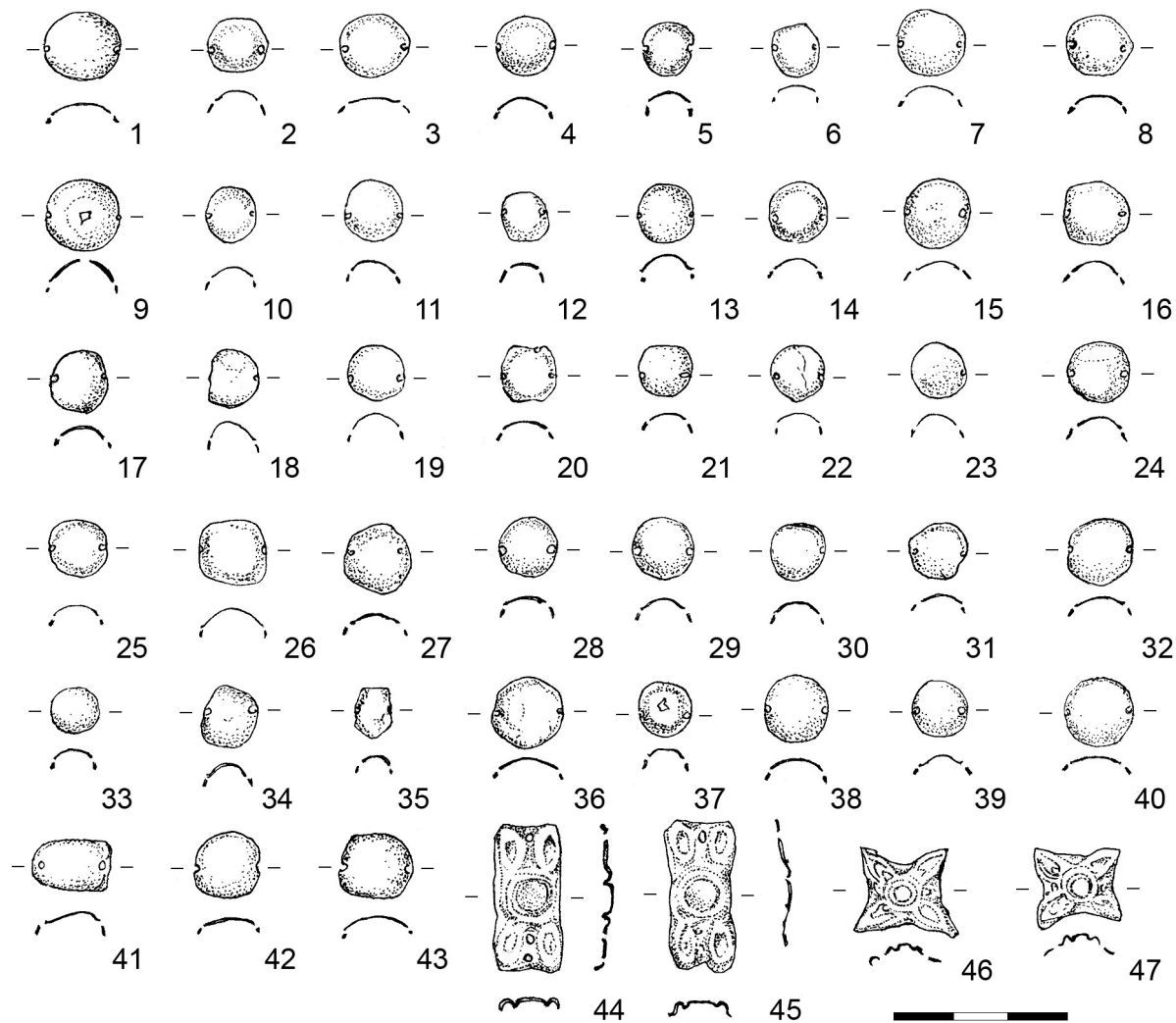

Рис. 11. Золотые штампованные бляшки из кургана в урочище Биш-Оба

Полушаровидные бляшки диаметром от 1,2 до 0,8 см, высотой от 0,4 до 0,2 см имеют по 2 отверстия диаметром до 0,1 см, расположенные друг против друга, у самых краев.

¹ Прорисовка по фотографиям из книги М. И. Ростовцева 1918 г.

² Фотографии из книги М. И. Ростовцева 1918 г.

Металл тонкий, некоторые бляшки деформированы, в двух — дыры с неровными краями, нижние края у некоторых бляшек в районе отверстий выломаны (рис. 11, 1—43, 48).

Бляшки в виде четырехконечной звезды, размер 1,7×1,6 и 1,4×1,2 см, высота до 0,4 см. В центре округлая выпуклость, к которой примыкают «лучи» или «лепестки» с заостренными концами, выступающими краями и вогнутой серединой. Между «лепестками» у краев центральной выпуклости — отверстия диаметром до 0,1 см (рис. 11, 46—47, 49).

Продолговатые бляшки имеют те же элементы, но расположенные иначе — таким образом, что вписываются в вытянутый прямоугольник. Размер 2,5×1,1 см, высота до 0,2 см. Они также имеют по 2 отверстия диаметром до 0,1 см. Кроме того, есть небольшие отверстия-дефекты с рваными краями (рис. 11, 44—45, 49).

Прямых аналогий фигурным бляшкам Биш-Обы в раннекочевнических древностях до сих пор не найдено. В. И. Сизов указал очень точные подобию бляшек звездчатых очертаний: «Совершенно тождественные украшения изображает В. Радлов в своем труде¹. Он нашел эти украшения в Абакане, они сделаны из бронзы и служили украшением на ремнях» [1, стб. 302], но они относились к эпохе средневековья. М. И. Ростовцев отметил «довольно близкую аналогию квадратной бляшке Покровского кургана» [69, с. 27], датированного им VI—V вв. до н.э. [69, с. 23], действительно имеющую ту же схему, что и биш-обинские звездчатые бляшки, хотя последние более простые. К. Ф. Смирнов указал на «золотую нашивную бляшку в виде четырехлепестковой розетки, близкую по стилю бишобинским», из Чирик-рабата, а также «круглые нашивные бляшки с двумя дырочками» оттуда же [73, с. 139]. Круглое погребальное сооружение на Чирик-рабате, откуда происходят указанные бляшки, С. П. Толстовым было датировано концом IV или рубежом IV—III вв. до н.э. [84, с. 148], с чем в принципе согласились Б. И. Вайнберг и Л. М. Левина, но отнесли его все же к I этапу существования чирикрататской культуры, верхней границей которого «условно может быть признан 330 г. до н.э.», т.е. она совпадает с крахом Ахеменидской державы [14, с. 98—99]. Нужно сказать, что помимо округлых бляшек иные приведенные чирикрататские аналогии не точны. Полных аналогий фигурным бляшкам из Биш-Обы нам обнаружить не удалось, и даже простым полушаровидным бляшкам их найдено сравнительно немного.

В тайнике, находившемся в погребении кургана 2 могильника Сазонкин бугор в Астраханской области, в числе прочих золотых предметов найдены «мелкие полукруглые золотые бляшки с двумя отверстиями для пришивания», на рисунке их не менее 29 [7, с. 151, рис. 8, 2]. Погребение датируется первой половиной V в. до н.э. [7, с. 153]. Точно такие же полушаровидные бляшки в количестве 95 шт. украшали одежду покойной в кургане 3 могильника Бесоба [41, рис. 2, 3]. Датирован курган рубежом VI—V вв. до н.э. [41, с. 69—70].

В 2017—2018 гг. в Темирском районе Республики Казахстан был исследован элитный могильник раннего железного века Таскопа I. В центральной части кургана 1 исследовано погребение в катакомбе, располагавшейся на глубине 2,7 м от уровня материка. Погребальная камера размером 2×2,4 м была устроена в южной стенке входной ямы [9, с. 291—292, рис. 1—2]. Погребение ограблено, но на дне в непо потревоженном положении сохранились некоторые украшения, которые являлись принадлежностью костюма. Среди них для нас наибольший интерес представляют полушаровидные золотые бляшки с отверстиями у краев, которых было несколько десятков, и фигурные бляшки той же, что в Биш-Обе, схемы — с центральной выпуклостью, от которой отходят четыре «лепестка», выполненных здесь в виде голов грифонов (не менее 11 шт.) [9, с. 293, рис. 3—4]. Дати-

¹ Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, 1884. S. 126.

ровки этого замечательного комплекса, являющегося очень близкой аналогией Биш-Обе как по обряду, так и по инвентарю, в публикации не предложено, так как в погребальной камере найден также колчан, наполненный железными черешковыми наконечниками стрел, которые, по мнению авторов статьи, значительно омолаживают погребение [9, с. 297, рис. 5].

В кургане 1 могильника Филипповка I у восточной стенки центрального погребения 1 найдено 248 (242)¹ полусферических бляшек с двумя отверстиями по краям, диаметром от 0,2 до 0,6 см [67, с. 26, рис. 48, 4; 46, с. 272, кат. 808]. Эти бляшки значительно меньше биш-обинских, и курган, в котором они найдены, датируется временем более поздним — IV или рубежом V—IV вв. до н.э. [67, с. 89].

Еще более позднюю дату имеют погребения 1 и 3 в сооружении (кургане) «Б» («Городище») могильника Прохоровка, где найдено большое количество таких бляшек. В погребении 1 (детском) в районе черепа — 25 шт. диаметром около 14 мм и в районе таза и среднего отдела позвоночника, к западу от него — еще 18 штук. В погребении 3 (женском) более 500 золотых нашивок-полусфер («очевидно от головного убора»), диаметр которых колебался от 6 до 8 мм, были найдены «в области накладок» на венчик деревянной чаши, стоявшей между черепом погребенной и стенкой подбойной ниши [99, с. 20, 22, 212, 214, кат. 550—593, 618—1118]. Датированы оба погребения в пределах третьей четверти IV — первой половины III в. до н.э. [99, с. 71].

В «Савроматах» упоминается, что «среди розеткообразных бляшек» из кургана в Биш-Оба «оказался» обломок бляшки другого характера, сохранившаяся часть которого «воспроизводит хорошо известную в савроматском искусстве тупорыльную морду хищника с раскрытой пастью, в которой изображены два зуба» [73, с. 140, рис. 80, 3] (см.: рис. 7, 80, 3). Такого предмета в коллекции ГИМ нет. В главе «Звериный стиль в искусстве савроматов» он не упоминается, рисунок его помещен не среди материалов кургана в урочище Биш-Оба [73, рис. 10, 1a—1n], а среди изображений хищника и копытных в савроматском искусстве Приуралья вместе с костяным навершием из Биш-Обы [73, рис. 80, 3, 4]. Речь может идти о какой-то путанице или ошибке.

21069. Пара золотых серег из электрона.

Находятся в экспозиции. Серьги одинаковые по конструкции и технологии изготовления, но отличающиеся в целом ряде деталей. Обе состоят из одинаковых разомкнутых колец, свернутых из круглой в сечении проволоки, к которым припаяны пустотелые декоративные элементы биконической формы. Посредником в месте спая служат небольшие колечки, свернутые из перевитой четырехугольной в сечении проволоки. Далее серьги нужно описывать порознь.

Серьга 1 (рис. 12, 1, 3). Общая длина 8,5 см. Размер кольца 2,8×2,6 см. Высота верхнего конуса 2,0 см, диаметр основания 2,5 см. К основанию припаяно основание второго конуса, высота его 2,15 см. Место спая декорировано тонким витым жгутиком, свернутым из золотой фольги. Конусы изготовлены из тонкого листа, заготовки тщательно вырезаны по выкройке, причем боковые края сделаны фигурными — с 7-ю фестонами на каждом. Место стыка краев перпендикулярно основанию. К вершине нижнего конуса припаяна усеченная четырехгранная пирамидка высотой 0,6 см, на каждой грани которой размещена *z*- или *s*-образная фигурка, свернутая из тонкой прямоугольной в сечении проволоки. Посредником в месте спая служит колечко из перевитой четырехгранной проволоки, такое же, как и в месте соединения вершины верхнего конуса с кольцом. К вершине усеченной пирамидки припаян помятый пустотелый шарик диаметром 0,3 см, а к

¹ 248 — по данным А. Х. Пшеничнюка, 242 хранятся в фондах МАЭ.

нему снизу колечко такого же диаметра. Места обоих спаев декорированы мельчайшими шариками зерни.

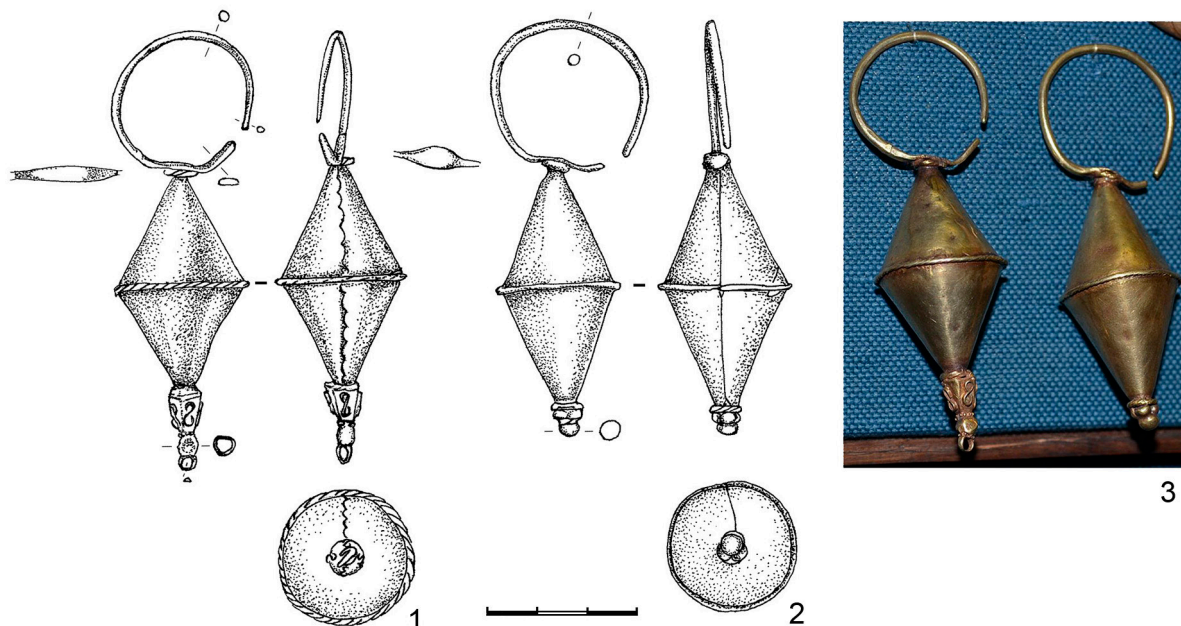

Рис. 12. Серьги из кургана в урочище Биш-Оба (кургана № 1 могильника Сара). 1 — серьга 1; 2 — серьга 2; 3 — слева серьга 1, справа серьга 2

Серьга 2 (рис. 12, 2, 3). Общая длина 8,0 см. Размер кольца 3,0×2,6 см. Высота верхнего конуса 2,15 см, нижнего 2,55 см. Диаметр оснований конусов 2,5 см, место спая, как и у серьги 1, декорировано тонким витым жгутиком, свернутым из золотой фольги, но сильно затертым. Оба конуса свернуты из выкроек с ровными краями, место стыка перпендикулярно основанию. К обращенной вниз вершине второго конуса припаяна гроздь крупных шариков зерни, расположенных пирамидкой, три — в основании, и на них один более крупный шарик. Место спая декорировано отрезком тонкого витого жгутика из золотой фольги, такого же, как в месте соединения оснований конусов.

Серьги являются уникальными для Южного Урала. В статье 1890 г. им уделено сравнительно много внимания: «Золотые серьги, найденные П. С. Назаровым при костяке, не одинаковы (изображены на рис. 4 и 5). Одна из серег (рис. 5) характерна, по словам В. И. Сизова, своими шариками, находящимися на конце серьги, подобные привески в виде большего или меньшего накопления шариков можно видеть на 154 странице II-го выпуска труда Аспелина¹ под номером 678, далее в том же выпуске на стр. 159 (№№ 728 и 729), затем на стр. 160 (№ 738), на стр. 162 (№ 761), все эти предметы, описанные Аспелиным, найдены в Пермской губ. Что касается собственно формы серег, то она характерна тем, что обуславливается двумя друг против друга поставленными конусами; подобной формы серьги и привески были находимы в Пермской губ., как это можно видеть на таблицах труда Аспелина (вып. II, стр. 162 и 167)» [1, стб. 301]. Все отмеченные В. И. Сизовым аналогии принадлежат средневековым серьгам и не могут быть приняты во внимание.

М. И. Ростовцев написал, что точных аналогий для этих серег он не знает, однако «сравнительно далекую, но все же поучительную аналогию» им отметил среди серег из

¹ Aspelin I. R. Antiquites Nord Finno-Ongrien. II Antiquites Permiennes. Helsingfors, 1877.

коллекции Витзена («особенно изображенные на табл. II, C¹ и на табл. O слева») — «и здесь мы имеем огромное грубое кольцо для подвешивания, конусообразную основу, филигранные и проволочные украшения» [69, с. 75]². Б. Н. Граков тоже указал, что эти серьги «не имеют точных соответствий» («On n'en a pas de répliques exactes») [101, p. 56; 25, с. 28].

Е. И. Крупнов, анализируя материалы кобанского Нестеровского могильника в Ингушетии, обратил особое внимание на височную полулю биконическую привеску с петлей, сделанную из бронзовой пластины [50, рис. 48, 28]. В качестве аналогии ей он привел бронзовые литые серьги из Лугового могильника, где их было найдено около двух десятков, причем указал на «определенное сходство» с ними серег из Биш-Обы. Здесь же он заметил, что «в одном из курганов у сел. Шалушинское близ Нальчика в 1927 г. вместе с набором скифских стрел V в. до н.э. была найдена маленькая полая золотая серьга, в деталях почти повторяющая биш-обийские (sic. — В. Ф.) серьги» [50, с. 294]. На иллюстрации он поместил четыре серьги с биконической привеской — бронзовую литею из Лугового могильника, золотую из села Шалушка, бронзовую с Полтавщины³ и золотую из Биш-Обы [50, рис. 52]. О серьге «с Полтавщины» в тексте ничего не сказано, общий же вывод таков: «...сходство савроматских серег с северокавказскими нам представляется не случайным. Оно объясняется наличием оживленных сношений между Кавказом, Нижним Поволжьем и Приуральем» [50, с. 294].

В «Савроматах» К. Ф. Смирнов указал аналоги биш-обинским серьгам в западных районах Сибири (в коллекции Н. Витзена), на Северном Кавказе, в том числе в Луговом могильнике, а также в погребениях лесного Приднепровья⁴, отметив, что «приднепровские и кавказские образцы больше похожи на сибирские из коллекции Н. Витзена, чем на бишобинские» [73, с. 141], т.е. здесь он не продвинулся дальше М. И. Ростовцева и Е. И. Крупнова, причем допустил досадную неточность — о приднепровских и кавказских серьгах он пишет во множественном числе, как если бы их были целые серии. Хотя речь о сходстве с серьгами⁵ из коллекции Витзена может идти только у двух единичных экземпляров — одного из к. 5 у с. Волковцы и одного из кургана у с. Шалушка. Серьги из Лугового могильника не имеют сходства с «витзеновскими». Не удивительно, что К. Ф. Смирнов затруднился «определить хотя бы приблизительно место изготовления или вывоза этих (биш-обинских. — В. Ф.) серег» [73, с. 141]. Не найдя оснований связать их происхождение со Скифией и Кавказом, он не исключил возможности среднеазиатского, в частности хорезмийского, их происхождения, «поскольку в кургане Биш-Оба найдены розеткообразные бляшки, находящие себе близкие аналогии среди чирикратских ювелирных изделий» [73, с. 141—142]. Согласиться с этим нельзя, в чирикратских древностях нет ничего, хоть сколько-нибудь схожего с золотыми изделиями из Биш-Обы (кроме, может быть, полушаровидных бляшек), к тому же чирикратская культура датируется

¹ На наш взгляд, большего внимания заслуживает серьга, помещенная на этой таблице под литерой F — с двумя конусами, нижний из которых оканчивается гроздью шариков с зернью [68, с. 131, табл. II, F].

² Восточный «след» в поиске региона происхождения биш-обинских серег, отмеченный М. И. Ростовцевым, оказался, по-видимому, неверным.

³ На самом деле — золотая.

⁴ Переход по его ссылкам раскрывает, что это та серьга, которую имел в виду Е. С. Крупнов под указанием «с Полтавщины» — из к. 5 у с. Волковцы [30, с. 16, табл. XLVI, 456б; 39, рис. 11, б]. Нужно отметить, что эта серьга, чей нижний конус украшен «шишечкой» из нескольких шариков зерни, почти в четыре раза меньше биш-обинских, и способ соединения между собой верхнего и нижнего конусов у нее иной.

⁵ К. Ф. Смирнов делает ссылку на ту же табл. II в книге Радлова, что и М. И. Ростовцев, но без указания конкретных серег, вероятнее всего, он имеет в виду серьгу F, поскольку два ее рифленых конуса действительно похожи на рифленые конусы серег из сс. Волковцы и Шалушка.

более поздним временем, нежели курган Биш-Оба, да и к древнему Хорезму она отношения не имеет.

Тем более ценным оказалось вскользь брошенное К. Ф. Смирновым замечание о том, что форма биш-обинских серег скорее всего «была воспринята под влиянием ювелирного искусства Ближнего Востока в период скифских походов на юг. Такие серьги носили ассирийцы» [73, с. 141]. Хотя ассирийская серьга, на изображение которой на рельефе [103, р. 371] ссылается К. Ф. Смирнов, сходна с биш-обинскими только по общему абрису, нужно сказать, что здесь он, по-видимому, оказался прав.

Материалы раннескифского могильника Нартан близ города Налчика, где были найдены две золотые серьги, представляющие собой почти полную аналогию биш-обинским [6, табл. 14, 9; 25, 19]¹, позволяют, как кажется, внести ясность в вопрос о происхождении последних. Курганы № 2 и 8, в которых найдены нартанские серьги, автор публикации относит к поздней группе, датируемой V в. до н.э., а сами серьги — к одному из двух основных «инородных» компонентов материальной культуры кочевников, оставивших Нартанские курганы, — кобанскому. Второй «инородный» компонент, переднеазиатский, характерен для ранней группы курганов (VI в. до н.э.), хронологически соответствующей времени возвращения скифов из Передней Азии [6, с. 52—54].

Помимо нартанских, на Северном Кавказе наиболее близки биш-обинским серьги из позднекобанского могильника у ст. Новогрозненской. Они изготовлены из серебра, форма идентична биш-обинским, размер лишь немногим меньше. У одной из трех опубликованных серег на оконечности нижнего конуса — гроздь зерни (к сожалению, ее рисунок в издании маленький и нечеткий) [20, рис. 1, 10; рис. 2, 10—11].

По мнению В. И. Козенковой, нартанские серьги относятся как раз к переднеазиатским, а в кобанскую культурную среду идея серег с биконическим декоративным элементом занесена «возможно, воином и одновременно мастером “кобанцем”, принимавшим участие в походах воинской группировки через Закавказье в Переднюю Азию, носителей раннескифской культуры Предкавказья» [45, с. 44]. Ее мнение представляется нам вполне обоснованным. В. И. Козенкова полагала, что ей удалось в ассирийских материалах найти еще одну серьгу того же типа — на луврском барельефе 706 г. до н.э. с изображением Синнахериба из дворца в Хосрабаде, по ее мнению, наиболее похожую на кобанские, нартанские и биш-обинские [45, с. 44, рис. 21, 13]. К сожалению, это не так, исследовательницу ввело в заблуждение низкое качество иллюстрации в издании, которым она воспользовалась [5, с. 74]. Серьга принадлежит к наиболее распространенному типу серег на ассирийских барельефах — в виде стерженька с двумя грибовидными выступами по бокам и небольшим коническим элементом в нижней части [102]. Тем не менее дальнейший поиск прототипов кобанских, нартанских и биш-обинских серег в материалах из Передней Азии представляется нам продуктивным.

История биш-обинских серег, по-видимому, следующая. Сам их тип появился в Передней Азии в первой половине I тыс. до н.э., откуда был заимствован скифами во время переднеазиатских походов. Широкого распространения на территории классической Скифии подобные серьги не получили. Кроме упомянутой выше маленькой золотой серьги из кургана 5 у с. Волковцы других таких серег нам не известно. У скифов Предкавказья этот тип серег «прижился» и просуществовал до V в. до н.э. В VII—VI вв. до н.э. он был заимствован у них носителями позднекобанской культуры [44, рис. 4, 3—5]. На Южный Урал серьги, вероятнее всего, попали от скифов Предкавказья, очевидно, в VI—V вв. до н.э. О возможном пути, который они проделали, см. ниже в разделе, посвященном зеркалу.

¹ Первым обратил на них внимание, кажется, С. Ю. Гуцалов [28, рис. 2, II].

Нами была предложена и другая версия происхождения этих серег — с востока, из Сибири. Принимая во внимание определенное морфологическое и конструктивное сходство (равно как и в декорировке зернью) биш-обинских серег с серьгами раннескифского (реннесакского) времени с конической привеской из Восточной и Западной Сибири, а также Центрального Казахстана, как и то обстоятельство, что в Южном Приуралье найдены несомненные дериваты подобных серег — в Бесобе и Покровке 2, нами было высказано предположение об их генетической связи [90]. При наличии более близких аналогий на Северном Кавказе сибирское происхождение их представляется менее вероятным, там мы можем назвать только одну золотую серьгу этого типа — в могильнике Баян-Кол на реке Улуг-Хем в Туве [72, рис. 2, 6]. Отметим, что Л. С. Марсадаловым было высказано предположение об ассирийском происхождении и сибирских серег с коническим элементом [54, с. 308—309, рис. 6].

21070. 2 белые створчатые раковины.

21071. Кусок красной краски.

21076. Синеватая металлическая краска в виде порошка, найденная в раковине.

В статье 1890 г. упоминается находка 4-х раковин с красками: одна, с красной краской, была встречена при самом начале продвижения раскопщиков в глубь погребальной камеры, ее «невозможно было взять», еще три — с красной, синей и черной блестящей красками (раковина с последней развалилась) лежали на зеркале. В. И. Сизов также уделил им внимание, сделал анализ красок и привел аналогии, раковины содержали краски: «синюю (по малому количеству не определена), металлическую (окись железа — Fe_2O_3) и красную; красная краска (по произведенному анализу она оказалась реальгаром, т.е. двусернистым мышьяком As_2S_2) находилась также в курганах Харьковской и Киевской губ. и сохраняется в Императорском Музее вместе с находками из этих мест. Что же касается раковины, то подобная (вероятно, *Ostrea vesicularis* или *Gryphea dilatata*) была найдена в одном кургане Таловской части Букеевской степи в 1888 г., но без краски¹» [1, стб. 301].

В настоящее время в фондах ГИМ находится одна ископаемая раковина *Gryphea dilatata* без следов краски на внутренней поверхности. На внешней стороне имеются небольшие штрихи розового цвета, может быть, современного (?) происхождения. Размер 5,4×4,5 см (рис. 13). Красок в фондах нет.

Рис. 13. Раковина *Gryphea dilatata* из кургана в урочище Биш-Оба

Находки раковин с красками внутри — не редкость в погребениях ранних кочевников Южного Урала. В наших раскопках кургана 2 могильника Яковлевка I в Хайбуллинском

¹ Харузин А. Курганы Букеев. степи. М., 1890.

районе Республики Башкортостан в погребении 1 конца VI — V в. до н.э. было 4 раковины-грифеи с красками — ярко-красной (гематит), ярко-зеленой (азурит), ярко-оранжевой (реальгар, аурипигмент) и ярко-синей (азурит) [94, с. 65, рис. 8, 6; 83, с. 169—170, табл. 1]. Погребение было разрушено, поэтому изначальное число раковин в нем неизвестно, как и то — было ли вместе с ними зеркало.

В женском погребении 2 кургана 3 могильника Покровка 2 в Соль-Илецком районе Оренбургской области вместе с зеркалом найдены 2 раковины-грифеи и чашечка, сделанная из эпифизарной кости крупного животного, по форме и размеру сопоставимая с раковинами, и еще одна грифея найдена на расстоянии полуметра от этого комплекса вместе с крупинками красного аурипигмента (реальгара), датировано погребение савроматским временем [100, с. 34—35, рис. 76, 21—23, 25].

В кургане 2 могильника Тара-Бутак рубежа VI—V вв. до н.э. такой же комплект — три раковины-грифеи с толченым реальгаром и мелом и голубовато-зеленой краской, еще чашечка из эпифиза животного с остатками зеленой краски на дне, и отдельно — черная краска, а также гальки со следами растирания ими красок, зеркало лежало отдельно [73, рис. 18, 19, 16; 74, с. 41].

В Поволжье в погребении 6, обнаруженном под средневековой гурханой у пос. Комсомольский в Астраханской области, в кожаном мешочке вместе с другими ритуальными и косметическими принадлежностями находились «четыре створки ископаемых раковин (в одной створке прослежены следы растирания реальгара)», а в 8 см к северу от мешочка лежало зеркало «ольвийского» типа [29, с. 128, рис. 1, 7; 3], точно такое же, как в Биш-Обе. Погребение датировано второй половиной VI — первой четвертью V в. до н.э. [29, с. 137].

Комплект, в который входят зеркало и 4 раковины (костяные чашечки) с красками, встречен неоднократно, что заставляет предполагать не случайное совпадение.

21072. Костяная ложка, покрытая резьбой.

Это самая первая ложечка из раннекочевнических древностей Южного Урала, которая стала известна ученым. Несмотря на то что со времени находки прошло более 130 лет и с тех пор было найдено более 200 ложечек, экземпляр из Биш-Обы остается единственным в своем роде. Вырезана из рога лося, отделка очень тщательная, хорошо отполирована. Длина 12,5 см, на черпачок приходится 7,7, на ручку — 4,5 см. Ширина черпачка 6,0 см (рис. 14).

Короткая ручка скульптурно оформлена в виде головы хищника, которая имеет вытянутую клиновидную форму. Пасть окружена тонким валиком в виде правильной параболы, верхняя выступающая часть валика имеет каплевидное утолщение — вздернутый нос. Внутри пасти — зубы, показанные достаточно условно — спереди два клыка, оба направлены сверху вниз, за ними после небольшого пустого пространства выпуклыми полукружьями показаны 4 премоляра или моляра, два сверху и два снизу. Линия морды покато поднимается к глазу, над которым образует небольшую выпуклость. Глаз в виде узкой каплевидной, с загнутым кончиком, выемки, окруженной валиком. Ухо находится за глазом, на небольшом расстоянии от него, имеет такую же каплевидную форму, выполнено тем же способом — выемка, окруженная валиком, в отличие от глаза располагается вертикально и несколько крупнее глаза. Очень короткая шея плавно переходит в спину, изображенную уже глубокой врезной линией на наружной части черпачка. Снизу переход от шеи к туловищу показан более сложно — глубокая врезная линия начинается сразу от нижней части валика. Она тянется по шее, образуя несколько зубцов, переходя у черпачка в линию, которой показана передняя лапа зверя.

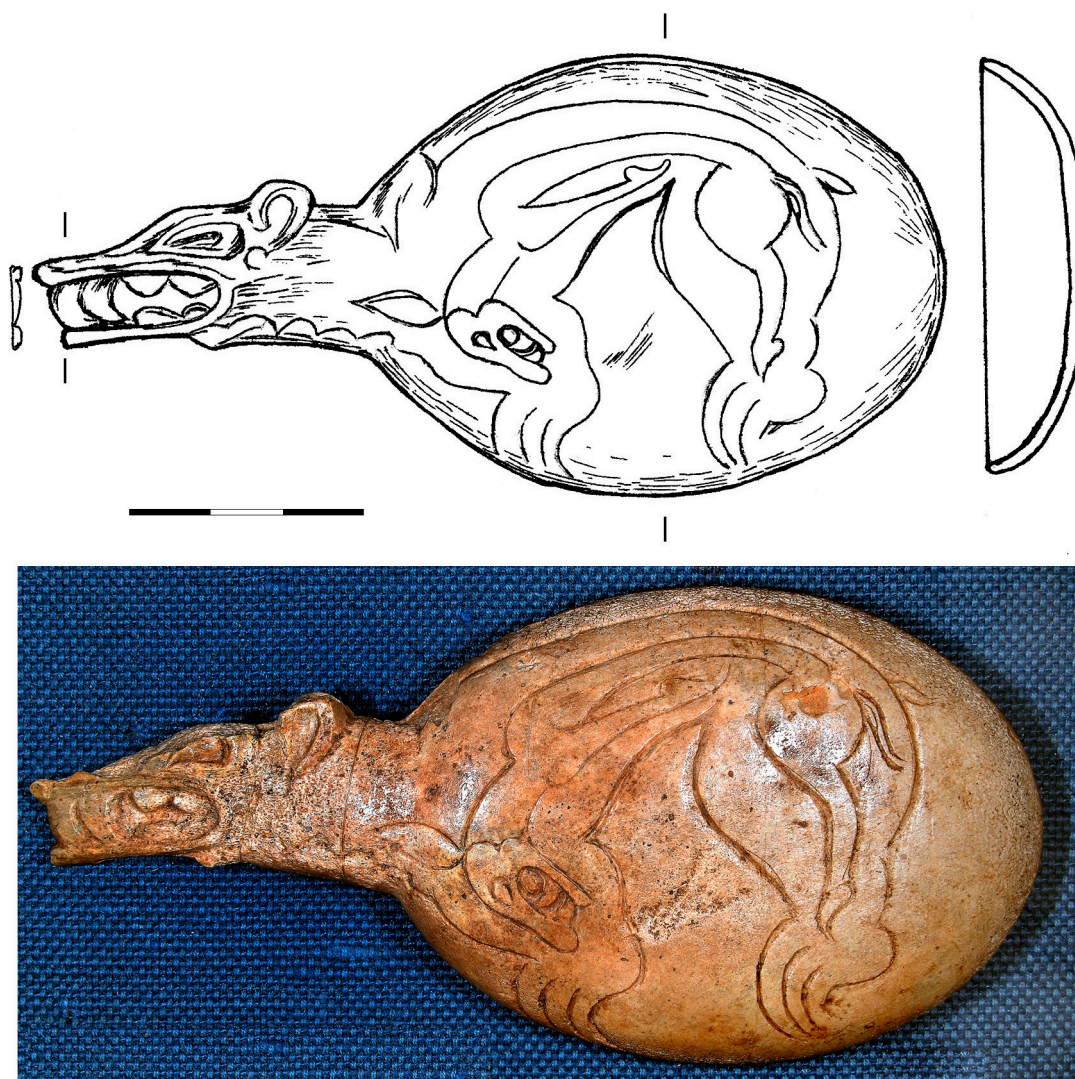

Рис. 14. Костяная ложка из кургана в урочище Биш-Оба

Резное изображение на черпачке, как и скульптура на ручке, выполнено умелой твердой рукой, причем рисунок сначала был нанесен тонкими неглубокими линиями, которые в некоторых местах сохранились. Изображено два животных — «внешнее» и «внутреннее». У «внешнего» вырезано только туловище, так как его голова и шея — это скульптура на ручке ложечки. Если опознать вид этого животного по голове невозможно, то его тело принадлежит, без сомнений, медведю. Спина и зад образованы одной плавно изгибающейся длинной линией. Более короткой и менее сильно изогнутой линией обозначены живот и грудь, причем грудь показана широкой, а живот впалым. Особое внимание мастер уделил ногам, изобразив их необыкновенно мощными, каждую с тремя огромными, сильно изогнутыми когтями. У задней ноги четко выделена пятка. Завершает картину маленький, слегка изогнутый хвостик с острым кончиком.

Фигура «внутреннего» животного вписана в контуры тела «внешнего» — голова находится внутри передней лапы, причем ухо выступает далеко и заканчивается уже внутри шеи медведя. Шея, передняя нога и почти все туловище «внутреннего» животного находится внутри туловища медведя, задняя часть туловища и задняя нога с хвостиком — внутри задней ноги медведя. Поза производит впечатление неестественной,

принужденной, что объясняется, видимо, трудностью «вписывания» фигуры одного животного внутрь фигуры другого.

Линия головы образует замкнутый контур, нос округлый, слегка утолщенный к концу, затылок и угол нижней челюсти изображены в виде двух смыкающихся полуокружностей. Пасть параболической формы, широко раскрыта, в ней два несоразмерно больших клыка, один в верхней челюсти, второй — в нижней, причем анатомически показанные более правильно, чем у «внешнего» животного. За клыками бугорком показан премоляр или, может быть, язык. Отметим отсутствие валика вокруг пасти. Глаз довольно большой, миндалевидный. Ухо относительно очень крупное, почти достигающее размера головы, абрис уха — листовидный, с широкой средней частью. Шея относительно длинная, в верхней части, где шея переходит в туловище, — выраженный «горбик». Туловище неестественно длинное и тонкое. Передняя нога подогнута под брюхо, задняя выпрямлена, ее «окорок» мощный и толстый, образует почти правильный круг. Обе ноги оканчиваются длинными копытами (?) своеобразной формы, с загнутым острым кончиком и выделенной округлой «пяткой». Хвост довольно длинный, слегка изогнутый, кончик его закружен. Хвост имеет нигде более не встреченную нами деталь — с внутренней стороны в месте его прикрепления к туловищу тщательно изображен продолговатый «островок». Основной контур хвоста показан глубоко прорезанными бороздами, «островок» отделен менее глубокой.

В статье 1890 г. описывается как «ложка с изображением на тыльной стороне фантастического животного, головой похожее на медведя», далее А. Х. пишет что: «В. И. Сизов отмечает, во-первых, способ изображения одного животного в другом и указывает на аналогичные изображения, помещенные в упомянутом труде Аспелина (II вып. на стр. 130 и 131 под №№ 529, 530, 531, 532, 537) и сделанные с находок в Пермской губ., а во-вторых, само изображение данных животных, подобных которым мы можем встретить в I выпуске труда Аспелина (стр. 60), у Радлова¹ и в каталоге гр. Уварова² из находок Елабужск. уез. Вятской губ.» [1, стб. 302]. Ссылки на II том Аспелина неудачны — первые четыре (№ 529—532) — это изображения человеческих личин на груди орнитоморфных существ пермского звериного стиля, а последнее — матери с ребенком (№ 537). Сходство с деревянным изображением головы хищника, принадлежащем пазырыкской культуре, опубликованным Радловым, и головой хищника на обушке ананьинской секиры из собрания гр. Уварова, а также аналогичными предметами из I тома Аспелина отмечено верно — трактовка пасти, окруженной параболическим валиком, с двумя клыками и четырьмя полукруглыми молярами позади клыков у них та же самая, что на биш-обинской ложечке.

В дальнейшем ложечка привлекала внимание многих исследователей, и использование информации о ней шло в целом в русле тех направлений, что были намечены В. И. Сизовым. Затрагивались главным образом вопросы происхождения звериного стиля в искусстве ранних кочевников Южного Приуралья и его связей с другими регионами (преимущественно восточными и северными), а также проблема идентификации изображенных зверей. Вопросы семантики изображений и предназначения ложки не поднимались.

М. И. Ростовцев в 1918 г. так описал ее: «...костяная ложка с короткой ручкой, имеющей форму ушастой и зубастой остроносой головы, того же типа, что головы на большой Прохоровской гривне; на внешней стороне ложки выгравировано грубое изображение скорченного хищника с когтистыми характерно стилизованными лапами и большими ушами (табл. VII, 1)» [69, с. 26—27]. С головами животных на окончаниях прохоров-

¹ Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, 1884, S. 128.

² Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1887, с. 32, рис. 90.

ской гривны сходство действительно есть, даже несмотря на сильную стилизованность изображений — в самой манере изображения пасти, глаз и ушей. Пасть, как и на Назаровской ложке, окружена валиком параболической формы, внутри нее показаны зубы, сверху валик переходит во вздернутый кончик носа. Глаза и уши, так же как и у головы хищника на ложке, показаны в виде выемок, окруженных валиками [69, табл. II, 1а, 1б]. Изображения на черпачке описаны М. И. Ростовцевым неточно — он пишет об одном животном, а не о двух, приписывая ему и «когтистые лапы» и «большие уши», хотя первые принадлежат «внешнему», а вторые — «внутреннему».

Ниже М. И. Ростовцев пишет: «К продуктам, свидетельствующим о местном развитии звериного стиля, относится костяная ложка Назаровской находки (табл. VII, 1). Ее ручка моделирована в виде типичной для всего востока России головы ушастого и зубастого зверя, о котором речь была уже выше. Важно указать, что эти головы типичны для западносибирских вещей сравнительно раннего периода, т.е. эпохи позднего бронзового века, и распространены во всей восточной и северной России в это же и в более позднее время. Порода зверя определению не поддается; голова все более и более схематизируется; но вполне можно думать о медведе — одном из любимейших зверей северного звериного стиля.

Еще интереснее гравированная фигура зверя на ложке. Ближайшие аналогии для этого типа стилизации, особенно туловища и лап, мы найдем только среди фигур западносибирских и алтайских» [69, с. 64].

М. И. Ростовцев здесь вновь рассматривает изображения на ручке и черпачке порознь, причем опять видит на последнем изображении только одного зверя [69, с. 64—65].

Б. Н. Граков уделяет биш-обинской ложке сравнительно немного внимания. В русле отстаиваемой им концепции (сходной с точкой зрения М. И. Ростовцева), что мотивы звериного стиля на предметах, найденных в Поволжье и соседних областях, а также на Юге России, «имеют общее происхождение из Центральной Азии» («ont une origine commune qui est l'Asie Centrale»)¹, он пишет об изображениях на ложке: «...сибирские мотивы оскаленных пастей медведей и хищников с длинными ушами объединяются здесь с чисто сибирской манерой трактовки клыков, уха и лап медведя на обратной стороне ложки» («des motifs sibériens de gueule grinçante d'ours et de fauve aux longues oreilles s'unissent ici à une manière purement sibérienne de traiter les dents, l'oreille de la figure intérieure sur la cuillère et les pattes de l'ours») [101, p. 59; 25, с. 29—30]. Что касается «хищников с длинными ушами» («de fauve aux longues oreilles s'»), то применительно к биш-обинской ложке речь может идти только о «внутреннем» животном, хотя из приведенного текста этого не следует, складывается впечатление, что Б. Н. Граков, как и М. И. Ростовцев, видит там одного зверя. В дальнейшем Б. Н. Граков уже совершенно определенно описывал именно «внутреннее» животное: «тип... копытного, но с зубами хищника, вырезан на костяной ложке из кургана Бис-оба Орского уезда» [23, с. 115]; «Есть у них (савроматов. — В. Ф.) нечто другое, чего не найдешь у скифов и меотов, — так сказать, хищное копытное. Таково копытное с полной хищных зубов пастью, то ли самка лося, то ли олениха, вписанная в туловище медведя на туалетной ложке из кургана в урочище Бис-оба недалеко от Орска» [24, с. 218, рис. 1, 5].

В «Савроматах» в главе «Звериный стиль в искусстве савроматов» К. Ф. Смирнов впервые дает детальное описание ложки: «Вытянутая вперед оскаленная морда (медведя. — В. Ф.) передана скульптурно, а тело и когтистые лапы выгравированы на выпуклой стороне ложки. В трактовке морды много общего между головой этого медведя и головой

¹ Редакторы книги «Евразийские древности» сделали к этому утверждению следующее примечание: «Впоследствии Б. Н. Граков решительно отказался от этой концепции» [25, с. 30].

волка на рукоятке из с. Абрамовка: в обоих случаях совершенно одинаково переданы зубы в раскрытых пастьях. Это — стандарт, прочно утвердившийся к концу VI в. до н.э. в савроматском искусстве при передаче оскаленной пасти хищников. Обычен и валик вокруг рта, изображающий губы у бишобинского медведя. Своеобразно сочетание скульптуры и гравировки. Складки кожи на шее медведя переданы в виде зигзага, а вместо того чтобы подчеркнуть детали тела, как обычно, спиралями или отдельными частями животных, в фигуру медведя с помощью гравировки вписана полусогнутая фигура хищника кошачьей породы, также с оскаленной мордой, торчащим большим ухом и, кажется, копытами вместо когтистых лап» [73, с. 227—228]. Выше, анализируя изображение хищника на упомянутой рукоятке из с. Абрамовка, К. Ф. Смирнов привел ему аналогии «на предметах азиатско-сибирского круга» [73, с. 227], т.е. так же, как и М. И. Ростовцев и Б. Н. Граков, он счел эту манеру изображения хищников генетически связанной с Востоком.

Аналогию биш-обинскому изображению животного, вписанному в тело другого зверя, К. Ф. Смирнов увидел на поделке из кургана у с. Варна в Зауралье [73, с. 228, рис. 36, 2б]. Это не вполне так. Опубликованная качественная фотография изделия позволяет рассмотреть все детали сложных изображений, которые имеются на нем [82, с. 216]. С широкой стороны оно оканчивается скульптурным изображением головы хищника, выполненной в манере, в целом достаточно близкой изображению на черенке биш-обинской ложки. На свободном центральном поле в технике плоского рельефа изображена фигура зверя, очень похожая на «внешнее» животное с черпачка биш-обинской ложки — те же округлая спина, подтянутый живот и мощные лапы с большими когтями. Отличие, помимо того, что это не гравировка, а рельеф, состоит в том, что этот зверь имеет свою собственную маленькую головку. На «лицевой», лучше сохранившейся стороне, ее изображение, к сожалению, частично разрушено. На оборотной стороне предмета, напротив, туловище сохранилось очень плохо, а головка — хорошо. Нужно сказать, что скульптурная голова хищника, которой оканчивается варненская находка, так удачно «приставлена» к туловищу зверя на рельефном изображении, что его собственная маленькая головка как бы «уходит в тень» огромной головы на окончании поделки. Вместе они образуют фигуру, очень напоминающую биш-обинского медведя. В изобразительном отношении варненский предмет продолжает оставаться единственной близкой аналогией биш-обинской ложке, хотя общая форма и, вероятно, назначение их совершенно различны.

Единственный раз ложечка из Биш-Обы была сопоставлена с ложечкой же — при публикации материалов погребения 2 кургана 10 могильника Липовка в Западном Оренбуржье. Было отмечено, что найденная там ложечка (не имеющая изображений) по пропорциям, размерам и тщательности выделки близка биш-обинской [79, с. 23, рис. 5К]. Такие пропорции — короткая ручка и большой черпачок действительно не характерны для раннекочевнических ложечек, у которых ручка в большинстве случаев много длиннее черпачка, последний же, обычно, не велик и не глубок.

В статье 1976 г. «Савромато-сарматский звериный стиль» К. Ф. Смирнов специально внимания биш-обинской ложечке не уделяет, хотя рисунок ее приводит [75, рис. 1, 20], следует лишь отметить, что изображение «внутреннего» животного помещено в таблице в разделе «Свернувшиеся в колесо хищники» [75, рис. 1, 3].

Отдельно следует рассмотреть не раз затрагивавшийся исследователями вопрос о сходстве изображений на биш-обинской ложке с предметами ананьинского звериного стиля. Уже В. И. Сизов обратил внимание на близость изображений головы медведя с оскаленной пастью на биш-обинской ложке подобным же изображениям на бронзовых секирах и бронзовой же рукоятки из коллекции Строгановых (см. выше).

М. И. Ростовцев, указывая на «родство костяных поделок... украшенных гравированными или резными орнаментами звериного стиля» Оренбургской губернии, Поволжья, Прикамья и Вятского края, пишет, что «особенно разительные аналогии дают так называемые костеносные городища». Среди них он обращает внимание на костяные навершия с Пижемского городища [80, табл. VIII, 4, 9] — одно, украшенное «вдоль базы» фигурой стоящего хищника с опущенной вниз головой и мощными лапами с огромными когтями, и лопаточку, несущую изображение животного, «живо напоминающее по манере резьбы гравированного хищника на Назаровской ложке». Более того, ниже М. И. Ростовцев отмечает, что «среди вещей костеносных городищ обычно встречаются и ложки. На одной такой ложке Казанского музея имеется, согласно указанию А. А. Спицына, гравированное изображение, ближайшим образом напоминающее изображение зверя Назаровской ложки¹» [69, с. 68].

К сожалению, у М. И. Ростовцева отсутствует ссылка на работу А. А. Спицына, из которой он почерпнул данные сведения. Ложки, подходящей под описание А. А. Спицына — М. И. Ростовцева, нам найти не удалось. Однако в Государственном объединенном музее Республики Татарстан хранятся костяные (роговые) предметы с Аргыжского городища, несущие изображения когтистого хищника (две штуки, оба под № 5346/4), из раскопок П. А. Пономарева 1877 г., которые являются, по всей вероятности, фрагментами наверший типа вышеописанного пижемского [17, рис. 2, 7, 8; 18, с. 279, кат. II-54, с. 284, кат. II-60]². Сходство фигуры медведя, особенно у второго из них, с биш-обинским безусловно, форма предметов тоже с некоторой натяжкой может быть признана ложковидной. Но установить, имел ли А. А. Спицын в виду один из них, по-видимому, невозможно.

А. В. Збруева также сопоставила с изображениями биш-обинской ложки предметы, выполненные в ананьинском зверином стиле, причем те же самые, что М. И. Ростовцев, — с Пижемского городища: «Костяная ручка [34, табл. XXVI, рис. 10], оканчивающаяся рельефной головой лося с немного открытой пастью, внутри которой показаны зубы, имеет в нижней части фигуру хищника, повернутую влево. Трактовка головы зверя, по-видимому, медведя, с глазами в виде овала, обведенного резной линией, торчащее вверх ухо, раскрытая пасть, спиральный завиток на морде ниже глаза, трактовка лап напоминают изображение хищника на костяной ложке из кургана Биш-Оба Чкаловской области из раскопок П. С. Назарова. Фигура зверя на ручке с Пижемского городища отличается от биш-обинской тем, что мускулы бедра и плеча показаны резными спиральными завитками, ниже которых помещены резные же кружки. Это изображение также относится к ананьинской эпохе, и оно не единично в коллекции с Пижемского городища: фигура зверя, повернутая вправо и несколько отличающаяся трактовкой морды и лап, вырезана также на костяной лопаточке» [34, с. 299]. Последнее изображение слишком схематично, оно схоже с биш-обинским только тем, что это гравированная фигура стоящего зверя, вид которого неопределим. Изображение же на нижней части ручки с головой лося, которое и М. И. Ростовцев и А. В. Збруева считают особенно близким биш-обинским, отличается от него по многим параметрам. Во-первых, оно выполнено в технике плоского рельефа, не гравировано и не скульптурно. Во-вторых, фигура медведя относится к иному типу — стоящая с опущенной вниз головой. В-третьих, если рассматривать анатомические де-

¹ На мой запрос в Казань и просьбу прислать фотографию ложки я получил ответ, опровергающий сообщение А. А. Спицына. Не имея оснований не доверять точности указаний А. А. Спицына, думаю, что полученные мною из Казани сведения неточны.

² Автор благодарен старшему научному сотруднику ИИМК РАН Ст. А. Васильеву за ценные консультации по поводу этих предметов.

тали, то почти все они показаны по-разному: пасть не оскалена, спина и зад не круглые, а как у реального медведя с выступающими холкой и крупом, и только несоразмерно большие когти можно сопоставить с когтями биш-обинского медведя.

Следует отметить еще одно наблюдение А. В. Збруевой — о том, что среди «ананьинских звериных мотивов» отсутствуют изображения хищников с чертами травоядных животных, «которые встречаются в Сибири и в Приуралье, например на костяной ложке из кургана близ станицы Магнитной¹ или в кургане Биш-Оба Чкаловской области» [34, с. 141].

Е. Ф. Королькова в 2006 г. отметила, что медведь на костяной ложке из Биш-Обы относится к редкому для Южного Приуралья варианту стоящего изображения хищников, а также то, что «фигура хищника имеет дополнительное зооморфное изображение в рамках основного контура (как бы внутри него)» [48, с. 69—70, табл. 37, 3]. Рисунок «внутреннего» животного помещен ею в таблицу «Изображения существ, не находящих себе прямых аналогий; их виды определить в некоторых случаях затруднительно из-за сочетания в них признаков разных животных» [48, табл. 43, 4].

В наших работах также есть сюжеты, связанные с биш-обинской ложкой. В одной из них она рассматривается как артефакт, который может свидетельствовать о наличии «в духовной культуре южноуральских кочевников раннего железного века неких реминисценций религиозных воззрений их северных соседей», в частности культа медведя и его яркого проявления — «медвежьего праздника» [87].

Вторая статья [89] целиком посвящена «внутреннему» животному, здесь мы повторим ее основные выводы. Определить, какой зверь изображен внутри фигуры медведя, действительно затруднительно из-за сочетания в нем черт, присущих разным животным. Имеются две вероятности: либо это фантастическое существо, либо реальное животное.

Версия 1 — синкретический образ. Характерные черты хищника и травоядного, соединенные в одном существе, встречаются в искусстве ранних кочевников, преимущественно в образах «рогатых хищников». Когтистые лапы и голова с оскаленной пастью сочетаются в них с рогами оленя или козла (барана) [65, с. 53—54; 96, с. 59—64]. Образ пернатого хищника совмещен с образом травоядного в изображениях «барано-грифонов» и «копытных грифонов» [48, с. 65—69, табл. 27; 98, с. 135—137, рис. 90]. Однако изображение животного, соединяющего в одном существе голову хищника с оскаленной пастью и ноги травоядного с копытами, среди синкретических образов отсутствует.

Версия 2 — реальное животное. Это безрогое копытное с тяжелой задней частью и более легкой передней, очень тонким туловищем, небольшим хвостиком (на внутренней стороне которого показан отдельный «островок»), довольно крупным глазом, большим ухом, а также с большими клыками во рту. Всем этим признакам удовлетворяет только одно реальное животное — кабарга. Именно она имеет легкий и изящный склад туловища, при этом задние конечности очень длинные и с сильной мускулатурой, передние же сравнительно тонки и слабы, а грудная клетка мала. Если прибавить к этому длинные и широкие уши, а также длинные клыки во рту и капроновые железы (которые на ложке показаны под хвостом животного в виде обособленного «островка»), то все это может указывать именно на кабаргу. Но это эндемик Восточной Азии, никогда не обитавший на Южном Урале, видеть ее живьем кочевники Южного Урала едва ли могли.

Нужно признать, что полностью отвергнуть или подтвердить ни одну из имеющихся версий («фантастический хищник» и «реальная кабарга») нельзя. Ситуация довольно парадоксальная. Создатель биш-обинской ложки вырезал именно то, что хотел, следы его первоначального рисунка сохранились, и он от него практически не отступал. Вопрос

¹ Ошибка, в кургане у хут. Черниговского, он же курган у ст. Магнитной, ложек не найдено.

лишь в том, что он хотел изобразить? После проведенного анализа мы не можем предположить ни один из рассмотренных вариантов, и ложка из Биш-Обы продолжает оставаться уникальной и загадочной.

Оригинальность ее проявляется минимум в шести пунктах:

1. Пропорции, соотношение длины ручки к величине черпачка.
2. Сочетание двух изобразительных техник — скульптуры и гравировки.
3. Наличие изображения на внешней стороне черпачка.
4. Изображение одного животного внутри другого.
5. Изображение медведя, единственное на ложечках, и редкое в искусстве ранних кочевников вообще.
6. Уникальность изображения «внутреннего» животного.

21073. *Обломок костяного предмета в форме головы животного.*

Еще один редкий для Южного Урала артефакт, прямых аналогий которому до последнего времени известно не было. Вырезан из рога лося (?). Снизу изделие имеет полую овальную втулку для насадки на рукоять, сбоку есть отверстие для крепления к рукояти. Верхний конец художественно оформлен в виде головы хищного животного. Размер изделия 5,0×3,8×1,8 см, диаметр втулки 1,7×1,4 см, диаметр отверстия 0,4 см. Поверхность, где она сохранилась, была хорошо зашлифована и залощена. Имеются дефекты — сильно выщерблена верхняя часть головы с утратой части глаза, также валик вокруг уха сверху и сзади сильно выщерблен, утрачен конец нижней челюсти с кусочком переднего клыка (рис. 15).

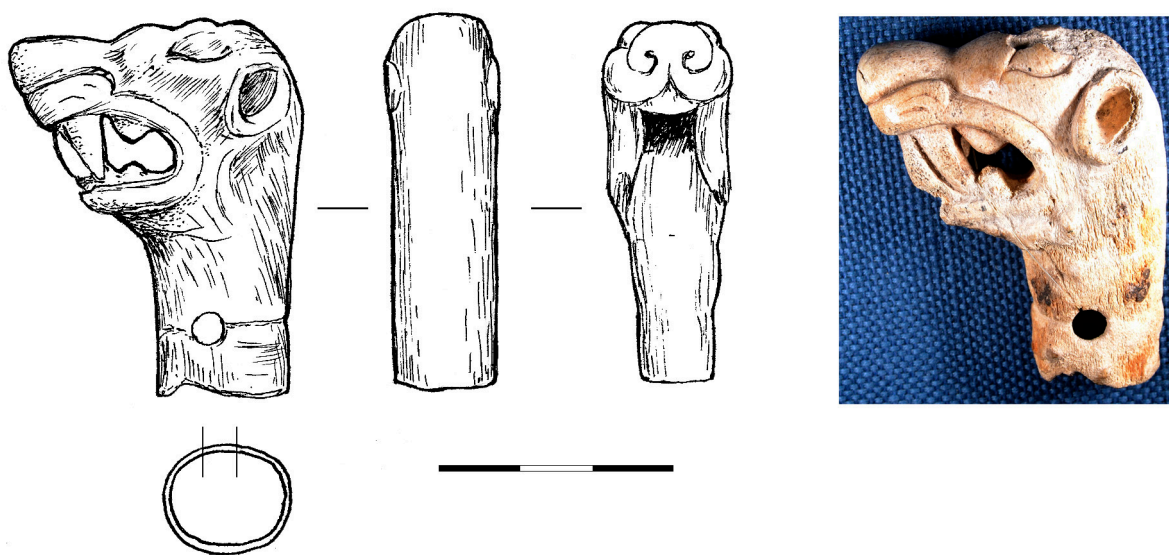

Рис. 15. Костяное навершие из кургана в урочище Биш-Оба

Изображение производит впечатление выполненного по одному канону с головой хищника на ложечке. Но это не так. Во-первых, оно образует с втулкой Г-образную линию, что встречается на Южном Урале очень редко. Морда значительно короче, но пасть раскрыта шире, клыки в ней намного крупнее, валик вокруг нее образует не правильную параболу, а фигуру с плоским низом и выпуклым верхом. Глаз животного изображен глубокой врезной линией, имеет миндалевидную форму. Ухо изображено ниже глаза, оно в виде овального достаточно высокого валика с воронкообразным углублением в центре. Хорошо выделен нос, он округлый, массивный. Одно из главных отличий от изображения на ложечке состоит в том, что у хищника на навершии верхняя губа изображена вздерну-

той, с характерным вздутием и выразительными складками на нем. Такой яркой детали на прочих изображениях хищников в культуре ранних кочевников Южного Урала нам больше не встретилось. В Филипповке I среди многих изображений хищников кошачьей породы только на одном имеется небольшое вздутие на верхней губе [46, с. 181, № 429].

Костяные изделия из Биш-Обы, хотя и изображают одно и то же — оскаленную голову хищника, выполнены в существенно отличающейся манере.

В статье 1890 г. находка обозначена как «рукоять ножа с изображением головы животного, похожей на собаку» [1, стб. 302]. М. И. Ростовцев называет ее «рукоятка ножа (?) из кости, кончающаяся грубо изваянной головой льва с очень большими зубами, в общем не греческого, а скорее, иранского типа» [69, с. 26], и далее, размышляя о развитии звериного стиля, также пишет о «сильнейшем влиянии южных образцов (голова льва Назаровской находки)», которые «скорее указывают на иранский, персидский мир» [69, с. 63—64]. «Головой льва» (la tête du lion) называет находку и Б. Н. Граков [101, с. 59; 25, с. 30]. К. Ф. Смирнов также указал, что «ближайшие аналогии бишобинскому изображению львиной головы мы находим среди изделий ахеменидского искусства, в вещах Саккызского и Амударьинского кладов», отметив в то же время, что «тип львиной головы на бишобинском наконечнике, генетически связанный с южными, переднеазиатскими образцами, уже в VI в. до н.э. подвергся местной модификации» [73, с. 231—232]. С этими выводами, безусловно, следует согласиться. Необходимо лишь определить путь попадания иранского канона изображения головы льва на Южный Урал и его исходный пункт. Как и в случае с серьгами, это может быть Северное Предкавказье.

В кургане 4 могильника Нартан найдена костяная резная головка льва, в которой можно найти общие черты с биш-обинской. К сожалению, изданы рисунки, показывающие только виды изделия сверху и спереди, но не с боков. При взгляде спереди нартанская головка шире, но ее округлый нос с завитками-углублениями ноздрей, вздернутые верхние губы со складками и торчащие из-под них клыки весьма напоминают биш-обинские [6, с. 22, табл. 16, II]. Автор публикации отмечает, что «такие головки украшали концы горизонтальных перекладин у табуретов, распространенных в Передней Азии в VII—V вв. до н.э.» [6, с. 49] и относит данный курган к поздней группе — V в. до н.э. [6, с. 52].

Прямых аналогий самому типу предмета — костяной втулке с навершием в виде головы хищного животного на Южном Урале долгое время не было известно. В кургане 18 могильника Новый Кумак найдена «костяная втулка-навершие в виде головы хищника, похожего на медведя», которую К. Ф. Смирнов сближает «со скульптурным изображением хищника (льва?) на втулке-навершьи из Бис-Обы¹» [76, с. 23, 49, рис. 9, 23; 10, 4]. Различий между ними немало — навершие из Нового Кумака продольное, а не Г-образное, вокруг пасти хищника нет валика, нет и вздернутой верхней губы, ухо имеет другую форму — полулунную (такую же, как у головы хищника из кургана 4 могильника Нартан). Датированы захоронения в кургане 18 «коротким промежутком времени... в пределах V в. до н.э.» [76, с. 24]. Очень близкое навершие найдено в погребении 1 кургана 7 могильника Короли в Новоаннинском районе Волгоградской области, датированном V—IV вв. до н.э. [53, с. 114, 120, рис. 4, 5]. Втулка с зооморфным навершием Г-образной формы недавно была найдена в кургане 1 могильника Тоцкое III в Оренбургской области, авторы раскопок датируют курган V—IV вв. до н.э., материал пока не опубликован, был представлен на конференции [43]. Губы изображены традиционно — в виде валика вокруг рта, верхняя губа не имеет «вздернутости».

¹ Как отмечалось выше, в литературе разночтения в написании этого названия очень часты, даже у одного автора.

21074. Привеска в форме топорика из голубой смальты.

21075. Снизка бус: 4 мелких голубых, 1 продолговатая синяя, 3 мелких желтых и 1 крупная сероватая.

Бусы найдены в двух местах: «Под зеркалом была кожа с поперечной деревянной перекладкой, около которой лежали две бус[ин]ы синего стекла — одна бочонкообразная, а другая в виде топорика. Кроме того, около черепа найдены бусы стеклянные и из египетской пасты». Количество бус у черепа не указано, в музей было передано 10 штук. Начиная с книги М. И. Ростовцева публикуется изображение 9 бусин [69, табл. VII, 3; 78, табл. 27, 4; 73, рис. 10, 1₂]. Сейчас в экспозиции ГИМ находится 8 бусин:

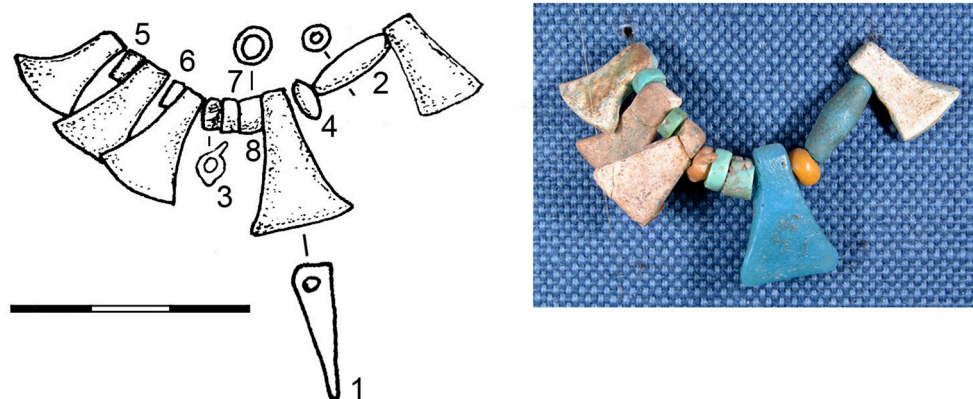

Рис. 16. Бусы из кургана в урочище Биш-Оба. Без номеров — топорикообразные подвески из могильника Тара-Бутак

1. Так называемая «топорикообразная подвеска» из голубой стеклянной пасты. Размер $1,7 \times 1,4 \times 0,4$ см (рис. 16, 1). На одной нити с бусами из Биш-Обы совместно с нею оказались также 4 топорикообразных подвески из другого памятника — могильника Тара-Бутак (отличаются меньшим размером и цветом — светло-бежевым, но в потертостях у всех виден истинный голубой цвет пасты). Они найдены в к. 3 этого могильника [78, табл. 27, 14; 73, рис. 17, 11]. В к. 2 Тара-Бутока в районе шеи погребенной также найдена «топорикообразная подвеска из голубой пасты (разрушилась)» [74, с. 41]. Тара-Бутакские погребения датированы К. Ф. Смирновым рубежом VI—V вв. до н.э. [73, с. 47].

2. Вытянутая бусина веретенообразной биконической формы, изготовлена из такой же голубой пасты, что и топорикообразная подвеска. Размер $1,2 \times 0,4$ см (рис. 16, 2).

3. Бледно-желтая круглая бусина с тремя сосцевидными налестками (один отпал). Размер $0,4 \times 0,2$ см (рис. 16, 3). Вторая бусина того же типа, но вдвое большего размера, по фото — $0,8 \times 0,6$ см, по всей вероятности, утрачена. Во многих погребениях, которые здесь уже упоминались, найдены такие бусы. В к. 3 Тара-Бутока — не менее 4-х светло-серых бусин подобного типа [78, табл. 27, 12]. В к. 3 Бесобы среди 34 стеклянных бусин были три соломенно-желтого цвета с сосцевидными отростками [41, с. 69]. В Покровке 2 — «три цилиндрические белые бородавчатые бусины диаметром 4—7 мм» [100, с. 35, рис. 76, 5, 6]. Необходимо отметить, что такие же бусы были найдены в 1928 г. Д. И. Захаровым при раскопках кургана № 7 в Саре [91, с. 156].

Набор бус, содержащий те же типы, найден в погребении из кургана 1 могильника Онайбулак в Алгинском районе Актюбинской области. О могильнике издана пока лишь предварительная информация, в том числе фотография бус, где имеются 8 «топорикообразных» и 6 веретеновидных [10, с. 516, фото 2]. На также опубликованной полевой фотографии видно, что в районе черепа находятся по меньшей мере 8 голубых «топорикообразных подвесок», 5 вытянутых голубых биконических бусин и 1 желтая

с сосцевидными налестками [2, с. 179]. Датировок могильника в указанных изданиях не предложено.

Согласно К. Ф. Смирнову, эти три вида бус «найжены преимущественно в погребениях конца VI — начала V в. до н.э.» [73, с. 150].

Остальные бусы не столь выразительны:

4. Круглая бусина с оплывшими гранями, ярко-желтого глухого стекла. Размер 0,5×0,3 см (рис. 16, 4).

5—8. Рубленные бусы глухого зеленовато-голубого стекла, 4 штуки. Диаметр 0,4 см, толщина 0,2—0,3 см (рис. 16, 5—8).

21077. Мусат в форме клина. Сломан на три части.

Этим термином в Попредметной записи обозначен продолговатый камень, не имеющий следов обработки, но на боковых (узких) сторонах несущий следы использования в качестве оселка. Это природный голыш длиной 26,5 см, шириной в верхней части 1,0 см, в нижней — 6,0 см. Толщина в средней части 2,0 см. Склеен из 3 обломков. В средней части надпись тушью «ГИМ 21077-21081 Оренбургская г. Назаров 1890 г.» (рис. 17), находится в экспозиции.

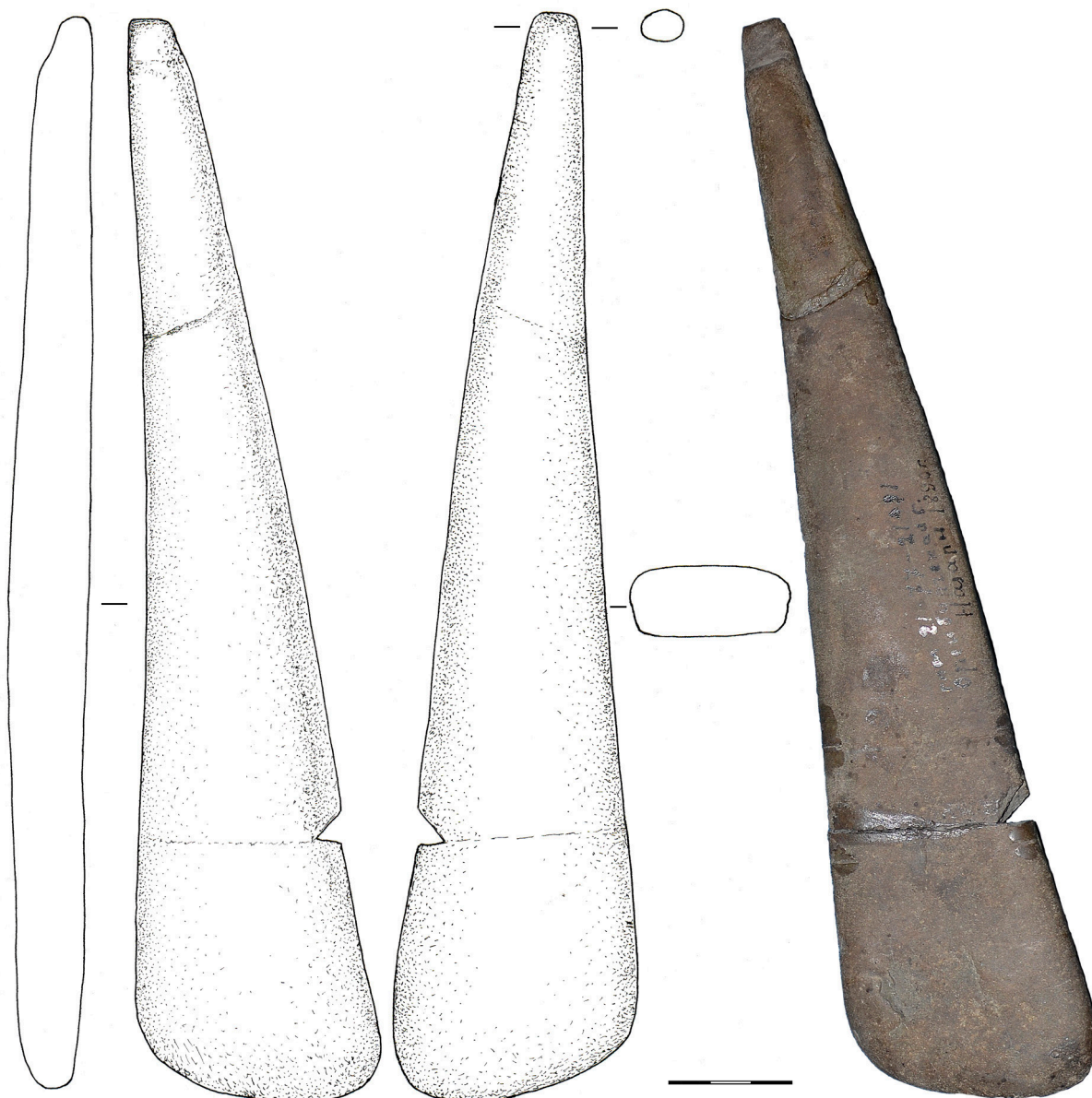

Рис. 17. «Мусат» из кургана в урочище Биш-Оба

Следы использования более выражены на узком конце предмета, широкий конец служил его ручкой. Мусат, как известно, представляет собой округлый в сечении металлический или керамический стержень, применяемый для быстрого затачивания и правки (доводки) режущей кромки ножей. Здесь название применено по внешнему сходству с мусатом узкого конца предмета. Крупнозернистая структура камня позволяла использовать его только для грубой первоначальной заточки. Издан в «Савроматах» в виде двух частей [73, рис. 10, *Ik, In*] (см.: рис. 7, 10, *Ik, In*). Аналогий нам не известно.

21078. *Бронзовое круглое зеркало с рукоятью, оканчивающейся четвероногим животным.*

Имеет круглый диск и боковую ручку, на конце которой — фигура стоящего животного (пантеры). Диск диаметром 18,9 см имеет толщину 0,3 см и бортик по краям высотой 1,1 см с внешней стороны и 0,8 см с внутренней. В верхней части, несколько левее центральной оси небольшой кусочек бортика выломан. Длина вылома 1,5 см. В месте крепления ручки — полукруглый «наплыв» металла, выдающийся внутрь диска, размером 3,5×1,2 см. Внутренняя поверхность диска в целом ровная, в левой части — небольшая область с выщербленной поверхностью. Ручка общей длиной 14,0 см. В месте крепления к диску — почковидное утолщение размером 4,2×2,0 см. Сама ручка состоит из трех вертикальных брусков, разделенных канавками. Длина ее 7,5 см, ширина в верхней части 2,2 см, в нижней — 1,8 см. Примерно посередине — косой след от излома, целостность была восстановлена сваркой (?), на лицевой стороне после ремонта осталась лишь неглубокая бороздка, на оборотной по краям бороздки валики оплавленного металла. В нижней части прямоугольная «полочка» размером 2,2×1,0 см, на которой стоит фигурка животного размером 5,5×3,0 см. Общая высота зеркала 32,9 см (рис. 18).

Зеркалу из Биш-Обы уделили внимание многие исследователи, и это неудивительно — оно является, пожалуй, самой яркой находкой в комплексе.

В. И. Сизов привел ему несколько аналогий, во-первых: «*Совершенно тождественное зеркало было найдено г. Зарецким в кургане Харьковской губернии и находится в Императорском Российском Историческом музее*» [1, стб. 300—301]. Это ошибка, которую очень скоро исправил В. А. Орешников, сообщая А. А. Бобринскому сведения о зеркалах Исторического музея: «Зеркал в коллекции Зарецкого нет (по крайней мере нам он его не продавал), но в той же витрине, рядом с вещами Зарецкого, лежат древности из прежней коллекции Бурачкова, среди которых имеется зеркало, подобное Назаровскому» [12, с. 68]¹. Это зеркало, происходящее из кургана на границе Херсонской и Таврической губерний [64, с. 57—58, табл. XIX, 3], действительно можно назвать «совершенно тождественным» «Назаровскому». В. И. Сизов отметил еще «*находки подобного рода зеркал в Минусинском крае*² у Усть-Ербы, горы Изых, Чернявки и др. мест, изображенных в Атласе “*Древностей Минусинского музея*”³ на таб. XII» [1, стб. 301]. Зеркала эти относятся к иным типам.

А. А. Бобринский перечислил в своем труде 10 находок зеркал подобного типа на территории от Оренбурга и Пятигорска до Венгрии и задался вопросом: «Где же фабриковались эти изделия?», но оставил его без ответа [12, с. 68—69]. Б. В. Фармаковский в 1914 г. убедительно показал, что многие изделия, считавшиеся ранее скифскими, в том числе и зеркала данного типа, в период поздней архаики делались в Ольвии, но точ-

¹ К. Б. Фирсов в электронном письме автору от 17.04.2023 подтвердил, что в материалах, поступивших в ГИМ от И. А. Зарецкого, такого зеркала нет, равно как и иных. Зеркало же из коллекции Бурачкова по-прежнему находится в экспозиции ГИМ.

² Минусинский Местный Музей. Древности Мин. Музея. Памятники метал. эпохи / сост. Д. Клеменц. Томск, 1886.

³ Атлас к тому же изданию, составленный Д. Клеменцом.

но так же могли изготавливаться и в других ионийских колониях на севере Черного моря [85, с. 32—33]. С этого момента в литературе за подобными зеркалами утвердилось имя «ольвийских».

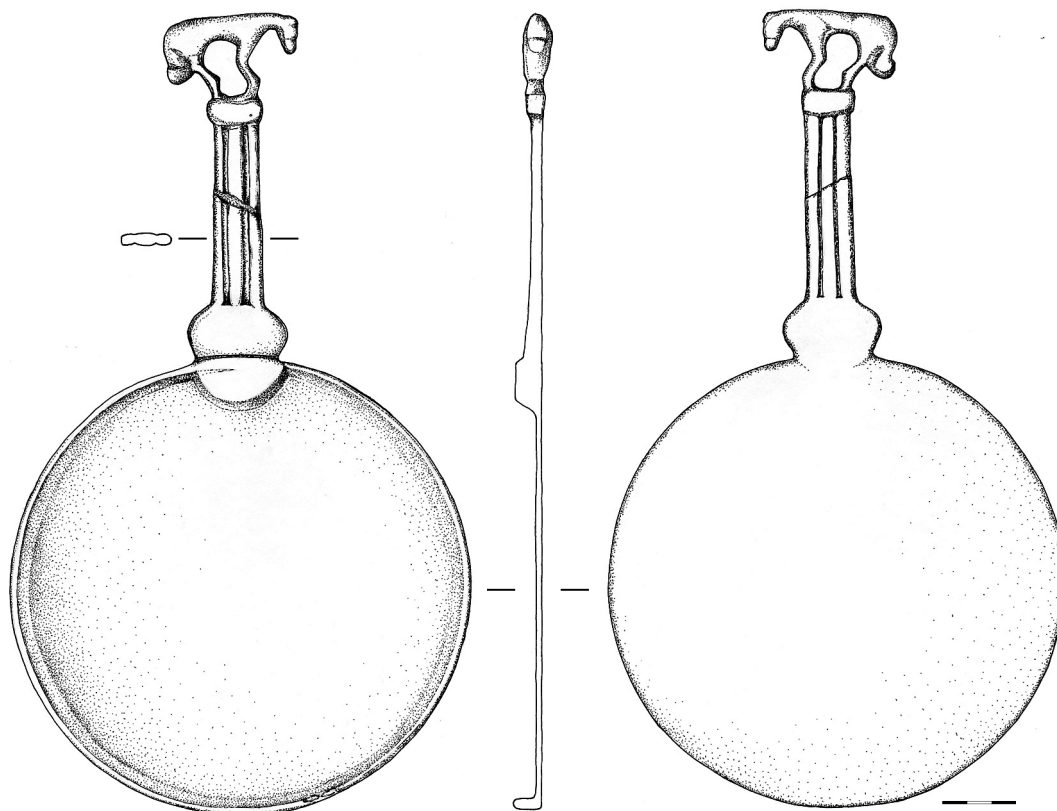

Рис. 18. Зеркало из кургана в урочище Биш-Оба

М. И. Ростовцев уделил биш-обинскому зеркалу лишь одну строку в описании комплекса «Назаровских находок» — «зеркало с ручкой, кончающейся изображением барана» [69, с. 26], не дал он и фотографии зеркала. В аналитической части его труда прямо о нем не сказано ничего, а вскользь брошенные фразы, которые можно отнести к нему, очень противоречивы. Среди зеркал, «входящих в состав оренбургских погребений», М. И. Ростовцев упоминает «типичные ионийские зеркала с ручкой, кончающейся изображением животного» [69, с. 70], имея в виду, конечно, в том числе и биш-обинское, хотя ниже наличие среди «оренбургских зеркал» «ввезенных из Греции или сработанных в мастерских греческих городов по греческим образцам» он отрицает [69, с. 71—72] и не использует зеркала из раскопок П. С. Назарова и Ф. Д. Нефедова при датировке комплексов.

Б. Н. Граков же именно по зеркалу датировал весь курган рубежом VI и V вв. до н.э. Основанием послужило установление места производства и точной датировки таких зеркал Б. В. Фармаковским [101, р. 58—60]. Находки их на Волге и в Южном Приуралье Б. Н. Граков счел наилучшим доказательством реальности рассказа Геродота о пути из Скифии к аргиппеям и исседонам — он шел из Причерноморья, от самой Ольвии, через Дон, за Волгой поворачивал на север, доходя до южных отрогов Урала «аж до Орська і там закінчувався». Этот путь не был единым — от него шли ответвления на юг и на север. О южном ответвлении говорят находки зеркал на Северном Кавказе и на Нижней Волге [22, рис. 2, 3, с. 35—36].

К. Ф. Смирнов отнес биш-обинское зеркало к типу VIII (зеркала «ольвийского» типа) в своей классификации и полностью разделял высказанные Б. Н. Граковым суждения об их хронологии и попадании на Южный Урал «торговым путем, описанным Геродотом» [73, с. 157—159]. Последний намечен им более детально: «Из Ольвии он шел в лесостепные области Скифии через Средний Дон, т.е. по землям будинов, которые были соседями савроматов. ...Скифы могли переправляться через Волгу где-то в районе Саратова и вдоль заволжских рек попадали на Бузулук и далее на Урал. Именно на этом схематично отмеченном маршруте обнаружены скифские псалии и скифо-ольвийские зеркала <следует перечисление>, наконец, зеркало в кургане Биш-Оба под Орском» [73, с. 259—260].

А. А. Иессен предполагал, что зеркало «ольвийского» типа из кургана в урочище Биш-Оба попало на Южный Урал из Предкавказья, как и целый ряд других предметов причерноморского, иранского, египетского и собственно кавказского происхождения [38, с. 221—222, рис. 13].

Т. М. Кузнецова отнесла зеркало из Биш-Обы к 2 варианту сложносоставных зеркал II отдела 1 группы I типа I вида своей классификации, который характеризуется тем, что верх ручки — не орнаментирован, на стволе — три продольных ребра, конец — стилизованная фигурка на главной подставке [51, с. 142]. Близкие фигурки она отметила на античных зеркалах из Ольвии (могилы 41, 75, 96), Березани, Тамани и Керчи, а также в памятниках кочевнического облика: с. Андреевка и пос. Комсомольский в Поволжье, урочище Биш-Оба и курган у с. Преображенка (Елга) — в Приуралье [51, с. 155]¹. Возможные направления перемещения зеркал показаны ею на карте № 15 [51, с. 211]. 1 — путь, ведущий от Ольвии на северо-восток с переправой через Дон в районе Павловска и через Волгу в районе Саратова и доходящий до Биш-Обы на Южном Урале. 2 — путь, ведущий от Ольвии прямо на восток с переправой через Дон в районе Цимлянска и Волгу

¹ Ближайшие аналогии найдены в Поволжье — Андреевка к. 2 в Самарской области [60, табл. 7, 4; 56, рис. 1, 1] и могильник Комсомольский п. 6 в Астраханской [29, с. 128, рис. 3] и в Приуралье — обломок ручки зеркала с фигурой пантеры в кургане у с. Преображенка (Елга) в Западном Оренбуржье [61, с. 36—37, рис. 9].

в районе Волгограда и далее идущий вдоль Волги на север до Самарской Луки. 3 — путь, ведущий от Ольвии на юго-восток, через Крым и Керченский пролив в Предкавказье, отсюда с переправой через Волгу в районе Астрахани на север, через Самарскую Луку в Закамье. Все три намеченных пути имеют в качестве узловых точек места находки зеркал с головкой барана и фигуркой кошачьего хищника на конце ручки, использованные, впрочем, весьма произвольно. Так, Биш-Обы достигает тот путь (1), который намечен по местам находок зеркал с головкой барана.

Ю. Б. Полидович отрицает существование какого-либо торгового пути, шедшего из Ольвии на восток. Если бы он был, «мы столкнулись бы с наличием в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье многочисленных импортных вещей античного происхождения». А зеркала ольвийского типа, найденные в Поволжье и Приуралье, являются свидетельством контактов с соседними регионами Северного Кавказа, Прикубанья и Днепровской Левобережной лесостепи [66, с. 195—196, рис. 1, 1—4].

С. В. Махортых, рассматривая контакты населения Предкавказья, а через него и более западных районов Северного Причерноморья с Поволжьем и Южным Приуральем, привел убедительные доводы в пользу того, что «именно через северокавказские земли значительная часть изделий западного происхождения попадала к ранним кочевникам «савроматского» круга» [57, с. 128—129]. Помимо зеркал «ольвийского» типа из Биш-Обы, Андреевки и Комсомольского он включает в их круг и золотые серьги из Биш-Обы, указывая на ближайшие аналогии им в могильниках Нартан и у ст. Новогрозненская [57, рис. 1—3, 5—6].

В. Ю. Зуев в своей классификации отнес биш-обинское зеркало ко 2 варианту третьей серии зеркал борисфенитского типа, который характеризуется тем, что навершия рукоятей состоят из горизонтального овала и полуовала над ним, а на конце рукояти — стилизованная фигурка пантеры (18 экз.) [36, с. 79]. Большая часть этих зеркал найдена к западу от Дона, в восточной части региона их распространения — только 4 экземпляра, из Тамани, могильника у пос. Комсомольский, Андреевки и Биш-Обы, причем последние три находятся к востоку от Волги. Ручку зеркала из с. Преображенка (Елга), также найденную к востоку от Волги, В. Ю. Зуев тоже относит к третьей серии зеркал борисфенитского типа, но данных для отнесения ее к одному из выделенных им вариантов этой серии недостаточно. В одной из более ранних работ им намечен путь, ведущий из Предкавказья в Поволжье и Южное Приуралье, маркированный находками «продукции бронзолитейщиков Борисфена», с переправой через Волгу в районе Волгограда и далее на север до Самарской Луки и отсюда на восток до Биш-Обы [35, рис. 8].

Проблеме «торгового пути Геродота» посвящены и другие работы, и во всех них одним из главных аргументов существования этого пути (в разных вариантах) являются находки «ольвийских» или «борисфенитских» зеркал, в том числе зеркала из Биш-Обы [37; 42; 19; 82, с. 158, 179—180]. Для целей нашей работы нет необходимости проводить анализ всех гипотез, тем более что путей могло быть, и скорее всего было, несколько. Нам достаточно попытаться установить тот конкретный маршрут, которым зеркало из Биш-Обы попало к месту его находки. Представляются верными предположения тех исследователей, которые начальный пункт этого пути локализируют в Северном Предкавказье. Здесь сконцентрировано значительное количество (10) зеркал третьей серии борисфенитского типа [36, рис. 32, 4, 5, 9, 24, 29, 33, 34, 42, 47, 49]. Однако если зеркала этой серии могли достигать Южного Приуралья и иными путями, например из Лесостепного Днепровского левобережья, где их найдено тоже достаточно (9) [36, рис. 32, 2, 3, 6, 11, 21, 23, 27, 31, 37], то серьги, найденные в кургане вместе с зеркалом, могли попасть туда только с Северного Кавказа. Для маршрута, ведущего отсюда на восток через Калмыцкую

степь, на всем дальнейшем протяжении существует лишь одна серьезная преграда — Волга, которую кочевники могли пересечь у Белых Ворот (традиционном месте переправы вплоть до сего дня) и двинуться по заволожским степям на юг (в район нынешнего пос. Комсомольского) и на север до Самарской Луки, а оттуда по течению реки Самары попасть в Южное Приуралье и дойти там до Губерлинских гор, где в бассейне притока р. Губерли — р. Чебаклы находится могильник Сара, курган № 1 которого и является «курганом в урочище Биш-Оба» (рис. 19).

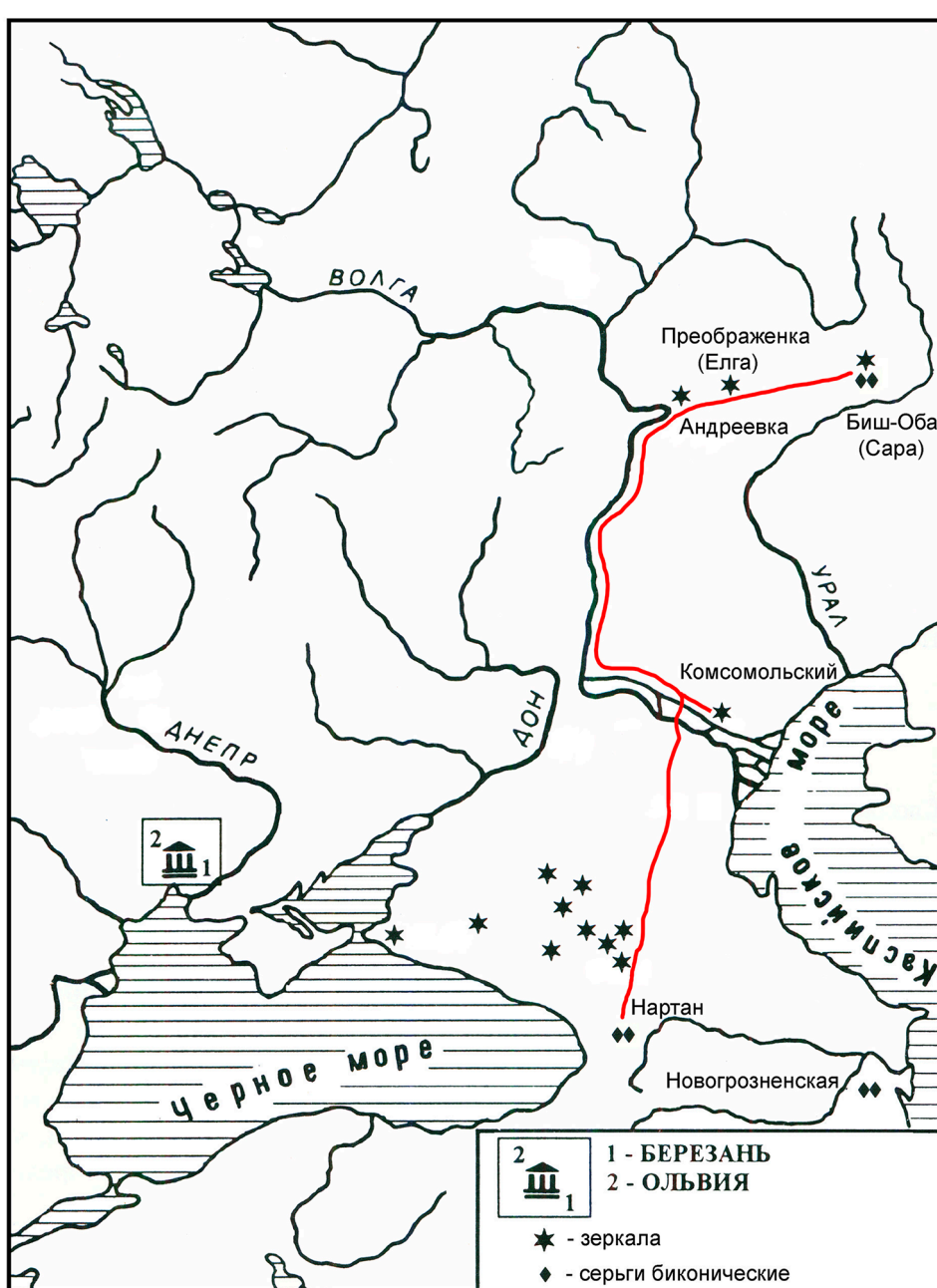

Рис. 19. Находки «ольвийских» зеркал («борисфенитских» третьей серии по В. Ю. Зуеву [35, рис. 32]) к востоку от Дона и вероятный путь их проникновения в Поволжье и на Южный Урал. Использована карта Т. М. Кузнецовой [51, карта № 12]

21079. Обломки глиняного сосуда: узкое, круглое отверстие горла и черепки.

В погребении было два керамических сосуда — «глиняная корчага, совершенно распавшаяся» рядом с костями лошади и «кувшинчик», стоявший на зеркале, в его центре, в

фондах ГИМ их нет. «Корчага» не издавалась, «кувшинчик» же был издан дважды — в статье А. Х. и «Савроматах» К. Ф. Смирнова, причем в последних был помещен «осовремененный» рисунок из статьи в «Известиях ИОЛЕиА» (см.: рис. 2, 2; 7, 10, 10), в тексте же книги он не упоминается. Судя по размеру¹ и форме, а также месту находки (на зеркале), сосудик должен быть отнесен к так называемым туалетным глиняным сосудикам, «в которых хранились краски, а вероятно, различные ароматические мази для притираний» [73, с. 161]. Близкий по форме и размеру биш-обинскому экземпляр найден в основной могиле кургана 10 Мечетская, датированной К. Ф. Смирновым началом V в. до н.э. [73, рис. 23, 1, 1з], вместе с галькой и раковиной со следами краски.

21080. *Кость (черепная), сильно пропитавшаяся окисью меди.*

В статье А. Х. сказано: «Теменные кости самого черепа позеленели от какого-то медного украшения, а верхнелицевые покрыты были окисью железа». Это заставляет предполагать, что у черепа находились кроме бус еще какие-то предметы, но они не сохранились, распались от коррозии (?).

В коллекции ГИМ сейчас никаких костей нет. В «Савроматах» опубликована некая «пластинка», материалом изготовления которой указана «бронза» [73, рис. 10, 1n] (см.: рис. 7, 10, 1n). Может быть, это и есть «черепная кость, сильно пропитавшаяся окислом меди». Кроме того, известно, что на зеркале лежала «костяная пластинка (вероятно, для растирания красок)», но она никогда не публиковалась.

21081. *Два валуна.*

Это «два овальных камешка», лежавших на зеркале вместе с раковинами, сосудиком и костяной пластинкой. Рисунки их изданы в «Савроматах» [73, рис. 10, 1m] (см.: рис. 7, 10, 1m). Один из них находится в фондах ГИМ, второй — в экспозиции. Это небольшие гальки-голыши продолговатой формы без следов утилизации. Галька из фондов — размер 5,4×2,2 см, цвет серый, в сечении треугольная, на одном боку надпись «ГИМ 21071-21081 Оренбургская г.» (рис. 20, 1). Галька из экспозиции — размер 5,2×1,8 см, цвет желтый, в сечении — овал (рис. 20, 2).

Из находок, которые не поступили в ГИМ, следует отметить *кости лошади и пепел*.

В статье А. Х. сказано: «...были найдены кости лошади (позвоночник, ребра и задняя нога), под которыми был пепел». М. И. Ростовцев написал, что был найден «костяк лошади» [69, с. 26], и еще раз — «костяк (не кости ли туши?) лошади» [70, с. 601]. Б. Н. Граков: «Dans le coin de la tombe se trouvait l'entrepôt avec les ossements d'un cheval sans crane» [101, р. 51] — «В углу ямы находилось скопление костей лошади без черепа» [25, с. 25]. Не доверять словам П. С. Назарова о составе найденных костей причин нет, и предполагать наличие в могиле полного костяка лошади (пусть даже без черепа) не приходится.

В тех погребениях, что назывались выше в числе наиболее близких биш-обинскому, кости лошади встречены неоднократно, иногда вместе с костями других животных. В кургане 2 Тара-Бутака кости барана (расчлененная туша) и лошади (ребра, ноги) сосредотачивались главным образом в западной части могилы [74, с. 42], в кургане же 3 этого могильника к юго-востоку от погребенной отмечены «кости ног и лопатка лошади и кость барана» [74, с. 44]. В Покровке 2 «под южным бортом могильной ямы на дне ее был расчищен плотный развал костей животных. Некоторые из них находились в анатомическом сочлененном виде. Среди них — части позвоночника, грудины и конечностей верблюда и лошади» [100, с. 33, рис. 50]. Близкое соседство костей лошади с золой и углями отмечено в кургане 3 Бесобы, где части туши лошади были найдены к югу от погребенной, с двух сторон от прямоугольного углубленного в землю очага, заполненного

¹ Высота сосудика была около 6,5 см, диаметр дна — около 7,5 см, устья — 5,4 см. Размеры высчитаны по указанию при рисунке в статье А. Х. — «1/3 nat. велич.» [1, рис. 2].

золой и кусками древесного угля. «На правой стороне лежали плечевая кость, лопатка, ребра, а на левой — кости таза, хвостовые позвонки, вторая плечевая кость, спинные позвонки и ребра» [41, с. 67, рис. 1].

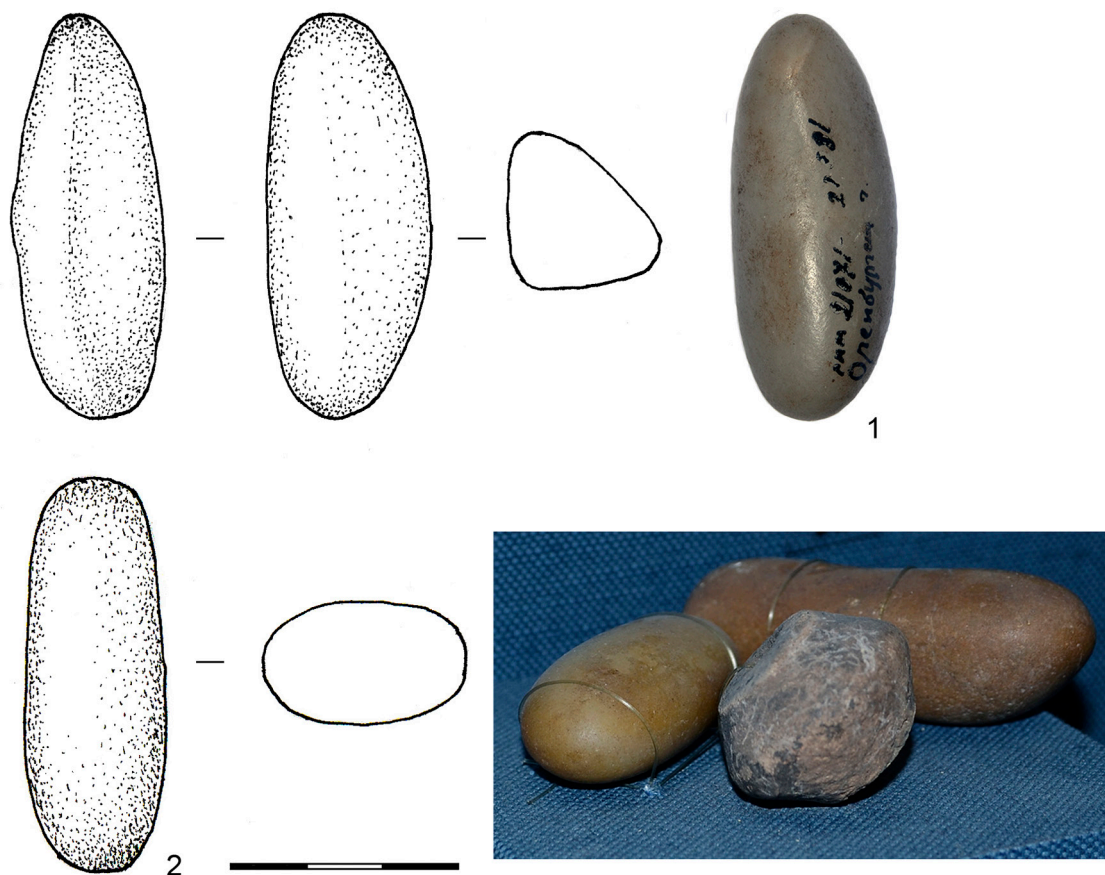

Рис. 20. Гальки из погребения в кургане в урочище Биш-Оба. 1 — из фондов, 2 — из экспозиции (на фото — слева)

Обсуждение результатов

Как уже отмечалось, первоначальный анализ находок был выполнен хранителем Исторического музея В. И. Сизовым. «По его мнению, этот курган по характеру вещей следует отнести приблизительно ко II столетию до Р. Х., так как таковые вещи представляют значительное сходство с вещами из т. наз. курганов сарматского типа в Южной России. С другой стороны, находки указывают на древнюю культуру Сибири и Перми» [1, стб. 300—302]. Общий вывод, сделанный в статье, таков: «подобное и при этом близкое сходство находок, сделанных П. С. Назаровым в кургане Оренбургской губернии, с находками двух противоположных концов, как Сибирь и Пермский край, с одной стороны, а Киевская, Полтавская и Харьковская губернии — с другой, имеет глубокий интерес для выяснения развития, связи и распространения культуры в столь отдаленную и малоизвестную эпоху, к которой можно отнести этот курган» [1, стб. 302].

Даже спустя 130 с лишним лет оценка материалов исследованного П. С. Назаровым кургана, данная в статье А. Х., продолжает оставаться актуальной. Датировка кургана, предложенная В. И. Сизовым, сильно завышена, но во всем остальном они с А. Н. Харузиным в целом были правы. Что сегодня можно сказать об истории кургана, его датировке и происхождении найденных в нем вещей?

Погребальный обряд. Реконструированное нами погребальное сооружение относится к катакомбам I типа (вариант 1) по В. С. Ольховскому — самому распространенному типу скифских катакомб [63, с. 27, табл. II, I, 1]. На Южном Урале самыми ранними катакомбами этого типа (и вообще самыми ранними катакомбами) являются погребение 1 кургана 17 могильника Покровка 2 и погребение 0 в кургане 5 могильника Казачий Кордон-1 в Соль-Илецком районе Оренбургской области [100, с. 39, 40, рис. 53—54, 81, 5—8, 10, 82—83; 40, с. 46—47, рис. 17, 2—3].

Оба располагаются в центре погребальной площадки, погребальная камера устроена в южной стенке входной ямы. В Покровке 2 дно камеры находится значительно ниже дна входной ямы, здесь покоились останки пожилого мужчины, сопровождаемого наконечниками стрел, частями туш верблюда и барана¹, а также рогами антилопы. В Казачьем Кордоне-1 на дне входной ямы лежал скелет мужчины, погребальной камеры — женщины. Мужчину сопровождали сосуд, череп и кости ног лошади, женщину — задняя часть туши барана. Датируются погребения VII — первой половиной VI в. до н.э. [27, с. 91, табл. 6, 19; 40, с. 46²]. Появление на Южном Урале катакомб в «готовом» виде связывается с проникновением на его территорию не позднее середины VI в. до н.э. носителей традиций скифской культуры Украинской Лесостепи [27, с. 116]. Катакомба, открытая П. С. Назаровым в Биш-Обе, несомненно, является «наследницей» этих ранних катакомб. Судя по вещевому материалу, она принадлежит уже более поздней эпохе, но сохраняет черты этих первых катакомбных захоронений — центральное положение под насыпью, тип камеры, укладывание в камеру частей туш травоядных животных.

В культурном и хронологическом отношении наиболее близким Биш-Обе, может быть, является центральное погребение кургана 1 могильника Таскопа I, исследованного в 2017—2018 гг. в Темирском районе Республики Казахстан [9, с. 291—292, рис. 1—2]. В пострадавшей от ограбления погребальной камере катакомбы, устроенной в южной стенке глубокой входной ямы, в неповрежденном положении сохранились полушаровидные золотые бляшки с отверстиями у краев и фигурные бляшки той же, что в Биш-Обе, схемы [9, с. 293, рис. 3—4]. К сожалению, датировки комплекса пока не предложено.

Вещевой материал. Наблюдения над погребальным инвентарем, сделанные В. И. Сизовым и А. Н. Харузиным, позволили им связать Биш-Обу с древними культурами Южной России, Сибири и Перми. Эти их наблюдения достаточно хорошо выдерживают «испытание временем». И сегодня мы можем указать на несомненные аналогии предметам из Биш-Обы именно в этих регионах.

Из Южной России, а именно из Предкавказья, в курган Биш-Оба попали зеркало, серьги, и, по всей вероятности, с Северным Причерноморьем и Северным Кавказом связана манера изображения головы хищника со вздернутой верхней губой [48, табл. 40, 1—4].

С «Пермью», вероятно, связан образ медведя, очень редко встречающийся в искусстве ранних кочевников, но обычный в ананьинском мире. Фигура «внешнего» животного, вырезанная на черпачке ложечки из Биш-Обы, как бы далека она ни была от ананьинских канонов, наибольшее сходство находит именно в них. Ананьинцы лучше знали анатомию зверя, поэтому фигуры их медведей более «медвежьи», но, имея в качестве

¹ Так в публикации, по определению палеозоолога — кости овцы и лошади [49, с. 87].

² Дату VII—VI вв. до н.э. предложили «раскопщики» — В. С. Горбунов и И. В. Денисов, авторы же монографии сочли, что все курганы могильника «на самом деле... относятся к концу V — IV в. до н.э.» [40, с. 47], с чем согласиться нельзя, поскольку сосуд из кургана 5 Казачьего Кордона-1 имеет ближайшие аналогии в предсавроматских погребениях Нижнего Поволжья и предскифских Нижнего Дона [92, с. 90, рис. 2, 4].

образца ананьинскую резную кость, резчик биш-обинской ложечки мог скопировать фигуру медведя с простительными для него погрешностями.

Самый сложный вопрос — связь инвентаря Биш-Обы с Сибирью и вообще с ранними кочевниками восточной части евразийских степей. Уже В. И. Сизов указал на очень точную аналогию манере изображения головы хищника на ложке в алтайских находках В. В. Радлова. Также и М. И. Ростовцев отметил, «что эти головы типичны для западно-сибирских вещей раннего периода», а ближайшие аналогии изображению «туловища и лап мы найдем только среди фигур западносибирских и алтайских» [69, с. 64]. Сходные суждения были высказаны Б. Н. Граковым и К. Ф. Смирновым [101, р. 59; 25, с. 30; 73, с. 243]. В наше время Е. Ф. Королькова также отметила, что «изображения хищников из Южного Приуралья стилистически и иконографически тяготеют к регионам Южной Сибири, Алтая и Средней Азии» [48, с. 82]. Связь изобразительной манеры скульптурно оформленного черенка ложечки из Биш-Обы с звериным стилем культур, располагавшихся на более восточных территориях, казалось бы, обоснована вполне убедительно. Но здесь есть один нюанс, никогда не учитывавшийся исследователями.

Он состоит в том, что изображение на ложечке всегда рассматривалось в отрыве от самого предмета, т.е. ложечки. Между тем все культуры скифоидного типа, существовавшие на огромной территории к востоку от Южного Урала, являются «безложечными». Самые ранние находки костяных ложечек сделаны в регионах, лежащих к западу от Урала, — в Украинской Лесостепи (Дарьевка, Спасовка-Иванковцы к. 9), на Нижнем Дону (Елизаветовский могильник к. 5/1911 г., Новоалександровка к. 7 п. 8, Красногоровка к. 4 п. 3), Северном Кавказе (Нартан к. 6) [11, фиг. 12; 26, рис. 6, 23; 58, рис. 19; 47, с. 156, 161, рис. 5; 6, 7; 8, с. 190, рис. 6, 1; 6, с. 25, рис. 21, 18]. Четыре из них несут изображения животных, сделанные, однако, совсем в иной манере, нежели на ложечке из Биш-Обы (правда, голова хищника на рукояти ложечки из Елизаветовского могильника не сохранилась и судить о манере ее изображения невозможно). Все самые близкие ей ложечки с изображением головы хищного животного на конце рукояти находятся на Южном Урале — Пятимары I (к. 4), Три Мара I (к. 4 п. 2), Филипповка I (к. 28 п. 6) [78, табл. 22, 20; 73, рис. 32, 26; 77, с. 82—83, рис. 9, 3; 71, с. 205—206, рис. 4, 39] и некоторые другие. Приходится предполагать, что ложечки пришли на Южный Урал с запада, а манера изображения является местной, выработанной здесь, на Южном Урале, не без влияния восточных и северных образцов.

Автор настоящего исследования в двух ранее написанных статьях пытался связать с восточными влияниями серьги из Биш-Обы и фигуру «внутреннего» животного на черпачке ложечки [89; 90]. Эти попытки нельзя признать удачными, поскольку ближайшие аналогии серьгам находятся все-таки на западе, а не на востоке, а фигуре «внутреннего» животного точных аналогов нет вообще.

Приходится констатировать, что по погребальному обряду и вещевому инвентарю Биш-Оба демонстрирует наибольшую связь с западными, относительно Южного Урала, регионами, имеется указание на культурные контакты с ананьинцами, а свидетельства, показывающие связь Биш-Обы с культурами скифского мира, располагавшимися к востоку от Уральских гор, являются очень слабыми, едва уловимыми.

Датировка. По словам М. И. Ростовцева, нижняя граница даты сооружения кургана, судя по стилю серег и костяных вещей, «не позволяет идти дальше VI в. до Р. Хр.» [69, с. 30], а верхняя же, на основании изучения золотых штампованных бляшек, может быть отнесена к III—II вв. до н.э. [69, с. 78—79]. В 1918 г. он сопоставлял золотые штампованные бляшки с найденными на Кубани, сегодня же мы можем сказать, что и на Южном Урале полушаровидные золотые бляшки с двумя противоположными отверстиями у краев

продолжали бытовать вплоть до III в. до н.э. Фигурным же бляшкам точных аналогий до сих пор не найдено.

Датировка Б. Н. Граковым погребения из Биш-Обы рубежом VI и V веков до нашей эры (на основании датировки зеркала) позволила ему «положить конец колебаниям М. И. Ростовцева»¹ [25, с. 31]. В дальнейшем все исследователи, которые касались вопроса датировки кургана, делали это, как и Б. Н. Граков, отталкиваясь прежде всего от датировки зеркала.

А. А. Иессен сам «курган в урочище Биш-уба в б. Орском уезде Оренбургской губернии» не датировал, но отметил, что зеркало из него относится к «широко известной группе зеркал второй половины VI в. и начала V в. до н.э.» [38, с. 221—222].

К. Ф. Смирнов, стремясь определить место Биш-Обы в одной из четырех выделенных им хронологических групп в пределах от VIII до IV в. до н.э., отнес ее к «наиболее ранней группе памятников савроматской культуры Поволжья и Приуралья, которая в целом датируется концом VII — VI в. до н.э.» [73, с. 33]. По находкам зеркал «ольвийского» типа он вместе с погребением в кургане 1 у с. Преображенка (Елга) уточнил их датировку и отнес к периоду не позднее конца VI в. до н.э., оговорив, правда, что «по некоторым деталям обряда и инвентаря эти погребения сближаются с илекскими погребениями рубежа VI—V вв. до н.э.» [73, с. 40]. В своде «Савроматы Поволжья и Южного Приуралья» Биш-Оба отнесена к концу VI в. до н.э. [78, с. 16].

Погребение 6 в гурхане у пос. Комсомольский, где было найдено зеркало, полностью идентичное биш-обинскому, авторы датировали второй половиной VI — первой четвертью V в. до н.э. [29, с. 137]. Подобное же зеркало, найденное в погребении 2 кургана 2 у с. Андреевка в Самарской области, публиковалось неоднократно, с датировкой комплекса концом VI в. до н.э. [55, с. 21, 22, рис. 9, 1; 16, с. 118—119, рис. 10 на с. 120] либо без точной датировки, но с указанием на савроматскую принадлежность комплекса [60, с. 19, табл. 7, 4; 56]).

В Самарской области найдено еще одно зеркало «ольвийского» типа, но иного варианта — с головой барана на конце рукояти, при раскопках кургана эпохи бронзы у Кашпирского поворота в 6 км от с. Спасское. При его публикации была сделана ссылка на Б. Н. Гракова, датировавшего зеркало этого типа второй третью VI в. до н.э. — первой четвертью V в. до н.э.², с оговоркой, что в дальнейшем более предпочтительным стало считаться датирование этого типа зеркал второй половиной VI в. до н.э. [59, с. 198—199, рис. 2, 2].

На один из случаев, когда «датировка зеркала ≠ датировка комплекса», обратил внимание Ю. Б. Полидович [66, с. 191—192]. Речь идет о кургане 10 могильника Аксеновский-I в Волгоградской области, где найдено зеркало с головой барана на конце ручки [97, с. 132, рис. 8, 1], такое же, как в комплексе «у Кашпирского поворота». Авторы публикации сочли его более древним, чем погребение, которое ничем не выделяется «из довольно монолитной группы» других захоронений этого могильника, начало функционирования которого авторы отнесли к середине V в. до н.э. [97, с. 151]. Результаты же радиоуглеродного датирования, для которого были использованы фрагменты деревянной подставки или футляра зеркала, «вполне надежно свидетельствуют, что *terminus ante quem* изготовления данного деревянного изделия — это, скорее всего, начало V в. до н.э.» [31, с. 188—189]. Как показывает ситуация с Аксеновским-I могильником, использование «ольвийских» зеркал для точного датирования комплексов, где они найдены, должно

¹ «C'est une solution pour les hésitations de Rostovtsev» [101, p. 60].

² «...3 другої третини VI сторіччя до кінця першої чверті V сторіччя до нашої ери» [22, с. 29].

быть весьма взвешенным. Время их производства, т.е. вторая половина VI в. до н.э., дает лишь *terminus post quem* совершения этих погребений.

Заключение по сложившейся к началу XXI в. ситуации с датировкой поволжских и южноуральских погребений, в которых найдены зеркала «ольвийского» типа, сделал С. В. Махортых: «...дата этих комплексов определяется в пределах второй половины — конца VI в. до н.э., с возможным заходом отдельных экземпляров в V в. до н.э.» [57, с. 129].

Проблема точного датирования Биш-Обы в этом свете выглядит следующим образом: погребение не могло быть совершено раньше второй половины или даже конца VI в. до н.э., и нет никаких гарантий того, что оно не совершено уже в V в. до н.э., очевидно, в самом его начале. Таким образом, самая узкая дата, которую мы можем сегодня предложить для Биш-Обы (кургана № 1 могильника Сара), — это конец VI — начало V в. до н.э., что возвращает нас к датировке кургана Б. Н. Граковым в 1928 г. рубежом VI и V в. до н.э.

Наблюдения над хронологией материалов погребения в «кургане в урочище Биш-Оба» позволяют сделать некоторые выводы относительно всей хронологии древностей Южного Урала того периода, в котором было совершено это и другие погребения, связанные с ним рядом аналогий. Для их исследователей основными хронологическими реперами продолжают, как и в конце XIX — начале XX века, оставаться зеркала «ольвийского» типа. Радиоуглеродная датировка кургана 10 Аксеновского-I могильника показала, что непременно отнесение погребений с «ольвийскими» зеркалами к периоду не позднее конца VI в. до н.э. не может иметь характера непреложного правила. Собственно говоря, по остальному материалу все они с таким же успехом могут быть датированы V в. до н.э.

Заключение

Состав погребального инвентаря и женская принадлежность скелета показывают, что открытое П. С. Назаровым погребение принадлежало к достаточно обширной группе богатых женских захоронений, весьма характерных для культуры ранних кочевников Южного Урала. Первым обратил на них внимание Б. Н. Граков, он же именовал захороненных в них женщин «савроматскими жрицами» [23, с. 110]. Это именование принял К. Ф. Смирнов, который дал этим погребениям развернутую характеристику: «Захоронения богатых жриц Приуралья отличаются особой пышностью погребального ритуала, наличием золотых украшений и очень устойчивым составом погребального инвентаря, среди которого почти всегда можно встретить предметы в зверином стиле, бронзовые зеркала, костяную ложку и серию различных красок, которыми, вероятно, татуировались жрицы перед исполнением своих сакральных обязанностей» [73, с. 202]. Следует оговориться, что погребениями «жриц» оба исследователя считали прежде всего те, в которых найдены «каменные алтарики». В инвентаре Биш-Обы алтарик отсутствует, но по всем остальным параметрам оно полностью соответствует вышеописанным «захоронениям жриц». Причем нужно иметь в виду, что в Биш-Обе погребение вскрыто, скорее всего, только в своей центральной части и уверенности в том, что оно исследовано полностью, нет. Часть инвентаря может до сих пор находиться в могиле. Вообще говоря, сегодня следовало бы полностью раскопать курган, не столько для того, чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутые здесь предположения о погребальном обряде и полноте исследованности погребения, сколько для того, чтобы исследование этого кургана приняло характер завершённого действия.

Оставляя в стороне вопрос о том, была ли погребенная в Биш-Обе женщина жрицей, отметим лишь, что социальный статус ее был, несомненно, достаточно высок, впрочем, как и у многих женщин, захороненных в погребениях этого времени на Южном Урале и в Поволжье. Главное отличие от большинства этих погребений — захоронение в катакомбе, в то время как все остальные женские погребения с богатым неординарным инвен-

тарем были совершены по большей части в простых ямах, обычно достаточно больших по размеру. Кроме того, оно замечательно самой восточной находкой зеркала «ольвийского» типа, а также уникальных для Южного Урала золотых серег, костяной рукоятки и единственной в своем роде костяной ложечки. Таким образом, погребение в «кургане в урочище Биш-Оба» (кургане № 1 могильника Сара) — одно из сравнительно часто встречающихся на Южном Урале захоронений женщин с высоким статусом, но имеющее некоторые уникальные особенности. Вопрос о том, можно ли эти особенности объяснить ее происхождением из районов, лежащих к западу от Южного Урала (Предкавказья, лесостепной Скифии), остается пока открытым.

Список источников

1. А. Х. Курган, раскопанный П. С. Назаровым в Орском уезде Оренбургской губ. // Дневник Антропологического отдела. М. : Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. Вып. 8. Стб. 298—302. (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете, т. 68. Труды Антропологического отдела, т. 12).
2. Алгинский район: Памятники природного и историко-культурного наследия Актыбинской области. Т. 5. Актобе : Актыбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2010. 190 с.
3. Алтухов Н. В. Таз из кургана Орского у. Оренбургской губернии // Дневник антропологического отдела. М. : Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. Вып. 10. Стб. 417. (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете, т. 68. Труды Антропологического отдела, т. 12).
4. Археология : учеб. для студ. вузов / под ред. академика РАН В. Л. Янина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2006. 608 с.
5. Бартц Г., Кениг Э. Лувр / статьи Х. Келера, М. Зайделя, И. Вилляйтнера. Б. м. : KÖNEMANN, 2007. 626 с. (Искусство и архитектура).
6. Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик : Эльбрус, 1985. Т. 2. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX—VII вв. до н.э. — II в. н.э.). С. 7—115.
7. Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // Советская археология. 1965. № 3. С. 143—153.
8. Беспалый Е. И., Парусимов И. Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // Советская археология. 1991. № 3. С. 179—195.
9. Бисембаев А. А., Жамбулатов К. А., Хаванский А. И., Ахатов Г. А., Жанузак Р. Ж. Некоторые итоги исследования элитных памятников раннего железного века в Актыбинской области // Призвание — археология : сб. воспоминаний и научных статей (к 85-летию со дня рождения А. Х. Пшеничноку и 35-летию начала исследования Филипповских курганов). Уфа : Диалог, 2022. С. 289—298.
10. Бисембаев А. А., Мамедов А. М., Дуйсенгали М. Н., Мамиров Т. Б. Результаты работ Областного центра истории, этнографии и археологии в Актыбинской области в 2006—2012 гг. // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2012» (14—15 ноября 2012 г.). Актобе : Актыбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. С. 514—519.
11. Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2. СПб. : Тип. В. С. Балашова, 1894. 234 с., 30 л. ил., 2 л. карт.
12. Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 3. СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1901. 174 с., 23 л. ил., план.
13. Бытковский О. Ф. К вопросу о географической локализации кургана в урочище Биш-Оба (по данным историографических исследований) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рожд. К. Ф. Смирнова : сб. статей / отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 43—50.
14. Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикратская культура. М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1993. 130 с., 85 рис.
15. Васильев В. Н., Федоров В. К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 2. Баймакский район Республики Башкортостан. Уфа : Диалог, 2021. 132 с.
16. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев : Куйбыш. кн. изд-во, 1986. 232 с.

17. Васильев С. А. Предмет неизвестного назначения из фондов Казанского музея // Евразия сквозь века : сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рожд. Дмитрия Глебовича Савинова. СПб. : Филол. факультет Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 77—80.
18. Васильев С. А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 513 с.
19. Вильданова Е. В. Проблема существования «торгового пути Геродота»: Историографический аспект // Археология Евразийских степей. 2020. № 5. С. 137—142. DOI : 10.24411/2587-6112-2020-10051.
20. Виноградов В. Б. Новогрозненский кобанский могильник VI—V вв. до н.э. // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный : Чечено-ингушский ин-т истории, социологии и филологии, 1979. С. 24—37.
21. Главная инвентарная книга Государственного исторического музея.
22. Граков Б. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? (До питання про сухопутний торговельний шлях через Скіфію за Геродотом) // Археологія. І. Киев : Вид. АН УРСР, 1947. С. 23—38.
23. Граков Б. Н. ГУНАІКОКРАТОУМЕНОІ (пережитки матриархата у сарматов) // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100—121.
24. Граков Б. Н. Заметки по скифо-сарматской археологии // Новое в советской археологии: Памяти Сергея Владимировича Киселева. К 60-летию со дня рождения. М. : Наука, 1965. С. 215—219. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 130).
25. Граков Б. Н. Памятники скифской культуры между Волгой и Уральскими горами // Евразийские древности: 100 лет Б. Н. Гракову. Архивные материалы, публикации, статьи. М. : Ин-т археологии РАН, 1999. С. 7—33.
26. Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Могилов А. Д. Новые исследования курганов скифского времени на западе Восточноевропейской лесостепи // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2012» (14—15 ноября 2012 г.). Актобе : Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. С. 141—153.
27. Гуцалов С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII—I вв. до н.э. Уральск : Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.
28. Гуцалов С. Ю. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI — V в. до н.э.: Истоки // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. (11—15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник) / отв. ред. Л. И. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 49—56.
29. Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // Российская археология. 1997. № 3. С. 127—141.
30. Древности Приднепровья: Эпоха, предшествующая великому переселению народов (Ч. 2). Киев : Типография и фотогравюра С. В. Кульженко, 1900. 64 с. (Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко. Вып. 3).
31. Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб. : ТЕЗА, 2005. 290 с.
32. Железчиков Б. Ф. История изучения памятников савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии / отв. ред. М. Г. Мошкова. М. : Ин-т археологии РАН, 1994. Вып. 1. Савроматская эпоха. С. 27—37.
33. Железчиков Б. Ф., Сергацков И. В., Скрипкин А. С. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1995. 128 с.
34. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 328 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 30).
35. Зуев В. Ю. Боспорский транзитный путь распространения греческих зеркал в эпоху архаики (по материалам погребальных памятников и случайных находок) // Погребальная культура Боспорского царства : материалы круглого стола, посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Моисеевича Кубланова (1914—1998). СПб. : Нестор-История, 2014. С. 66—94.
36. Зуев В. Ю. Третья серия зеркал борисфенитского типа (к вопросу о классификации массового археологического материала эпохи архаики) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2019. № 11. С. 73—145. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00003.
37. Игуменшева Е. В. Пути проникновения импортных изделий на территорию Южного Приуралья в «савроматскую» и раннесарматскую эпохи // Российская археология. 2011. № 1. С. 62—67.
38. Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном // Советская археология. 1952. Вып. 16. С. 206—231.

39. Ильинская В. А. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы (По раскопкам И. А. Линниченко) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 54. С. 24—41.
40. Исмагил Р., Сунгатов Ф. А. Памятники яицкой культуры последней четверти V — IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : Белая река, 2013. 224 с.
41. Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1978. Вып. 154 : Ранние кочевники. С. 65—70.
42. Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-лит. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К^о», 1910. Вып. 22. 330 с.
43. Клещенко Е. А., Купцова Л. В., Свиркина Н. Г., Добровольская М. В., Гусева В. П., Крюкова Е. А. Сожженные сарматские погребения IV в. до н.э.: методические аспекты изучения останков (по материалам 1 кургана III курганного могильника у с. Тощкое Оренбургской области) // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций : сб. тез. М. : Ин-т археологии РАН, 2021. С. 47—52.
44. Козенкова В. И. Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Евразийские древности: 100 лет Б. Н. Гракову. Архивные материалы, публикации, статьи. М. : Ин-т археологии РАН, 1999. С. 185—194.
45. Козенкова В. И. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М. : Таус, 2013. 252 с.
46. Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН : каталог. Уфа : Китап, 2018. 400 с.
47. Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // Советская археология. 1982. № 3. С. 149—164.
48. Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии: Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
49. Косинцев П. А. Костные остатки животных из могильников Покровка 1, 2 и 8 // Курганы левобережного Илека. М. : Ин-т археологии РАН, 1995. Вып. 3. С. 79—99.
50. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 320 с.
51. Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI—III века до н.э. Т. 1. М. : Индрик, 2002. 352 с.
52. Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : БФАН СССР, 1977. С. 52—66.
53. Мамонтов В. И. Курганный могильник «Короли» // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. Вып. 1. С. 110—127.
54. Марсадалов Л. С. «Оленные» камни из поселка Аржан в центре Азии // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. М. : Ин-т археологии РАН, 2005. С. 301—311.
55. Матвеева Г. И. Археологические памятники железного века на территории Куйбышевской области : учеб. пособие. Куйбышев : Куйбыш. гос. ун-т, 1980. 96 с.
56. Матвеева Г. И. Погребение савроматского времени у с. Андреевка в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья / отв. ред. И. Н. Васильева. Самара : Научно-технический центр, 2006. Вып. 4. С. 377—379.
57. Махортых С. В. К вопросу о контактах населения Предкавказья с Поволжьем и Южным Уралом в VI в. до н.э. // Саки и савроматы казахских степей: Контакт культур : сб. науч. статей, посвящ. памяти археолога Бекена Нурмуханбетова. Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 128—141.
58. Миллер А. А. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году // Известия Императорской археологической комиссии. Петроград : Тип. Главного управления уделов, 1914. Вып. 56. С. 220—247.
59. Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А. Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья (по итогам раскопок 1974—1987 гг.) // Краеведческие записки. Самара : Областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 1996. Вып. 8. С. 196—222.
60. Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / ред. И. Н. Васильева, Г. И. Матвеева. М. : Наука, 2000. С. 9—81.
61. Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // Материалы по археологии восточных губерний, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М. : Тип. Н. Н. Шарапова, 1899. Т. 3. С. 1—41, табл. 1—9.
62. Ольговский С. Я. О караванном пути из Ольвии на Урал и в Поволжье и вопросы происхождения зеркал и крестовидных блях // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 209—223.
63. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н.э.). М. : Наука, 1991. 356 с.

64. Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н.э. М. : Наука, 1966. 120 с. (Свод археологических источников. Вып. Д1-27).
65. Переводчикова Е. В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М. : Восточная литература, 1994. 208 с.
66. Полидович Ю. Б. Находки предметов «античного круга» VI в. до н.э. на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // Археология Нижнего Поволжья: Проблемы, поиски, открытия : материалы III Междунар. Нижневолжск. археол. конф. (Астрахань, 18—21 окт. 2010 г.) / сост. и отв. ред. Д. В. Васильев. Астрахань : Издат. дом «Астраханский университет», 2010. С. 190—196.
67. Пшеничнюк А. Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
68. Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1 [вып. 3]. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1894. 146 с., XXII л. прил.
69. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг. : Девятая Гос. тип., 1918. 106 с., VII табл.
70. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. : Тип. 1-й Ленинградской Трудовой артели печатников, 1925. 624 с.
71. Рукавишников И. В., Яблонский Л. Т. Костяные изделия в зверином стиле из могильника Филипповка I // Проблемы современной археологии : сб. памяти В. А. Башилова. М. : ТАУС, 2008. С. 199—238.
72. Семенов В. А., Килуновская М. Е., Чугунов К. В. Археологические исследования на правом берегу Улуг-Хема // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. СПб. : ИИМК, 1995. Вып. 24. С. 23—30.
73. Смирнов К. Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука, 1964. 380 с.
74. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М. : Наука, 1975. 176 с.
75. Смирнов К. Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. : Наука, 1976. С. 74—89.
76. Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала / отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа : БФАН СССР, 1977. С. 3—51.
77. Смирнов К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа : БФАН СССР, 1981. С. 68—90.
78. Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 40 с., 30 табл. (Свод археологических источников. Вып. Д1-9).
79. Смирнов К. Ф., Попов С. А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука, 1972. С. 3—26. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 153).
80. Спицын А. А. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 192 с., XIII табл. (Материалы по археологии восточных губерний России, собранные и изданные Императорским Московским археологическим обществом на Высочайше дарованные средства. Вып. 1).
81. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А. И. Мелюкова. М. : Наука, 1989. 464 с.
82. Таиров А. Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 400 с. (История Южного Урала : в 8 т. Т. 3).
83. Таиров А. Д., Бушмакин А. Ф. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 168—177.
84. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М. : Изд-во восточной литературы, 1962. 324 с.
85. Фармаковский Б. В. Архаический период в России: Памятники греческого архаического и древнего восточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Черного моря и в курганах Скифии и на Кавказе // Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. Пг. : Тип. Главного управления уделов, 1914. С. 15—78, табл. I—XXIX. (Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. № 34).
86. Федоров В. К. Научный отчет об археологических раскопках летом 1993 года в Кувандыкском районе Оренбургской области (курганый могильник Сара) // Научный архив Национального музея Республики Башкортостан. Оп. 1. № 445.
87. Федоров В. К. К вопросу о культе медведя у ранних кочевников Южного Приуралья // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание : материалы междунар. науч. конф. 6—10 окт. 2003 г. Пермь : Пермский гос. ун-т, 2003. С. 222—223.

88. Федоров В. К. История исследования курганов у села Сара в Восточном Оренбуржье // Вестник ВЭГУ. 2013. № 5 (67). С. 134—143.
89. Федоров В. К. Изображение «копытного хищника» на костяной ложечке из могильника Сара в Восточном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 55—65.
90. Федоров В. К. Серьги из могильника Сара в Оренбургской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 69—79.
91. Федоров В. К. Курган 7 могильника Сара (раскопки Д. И. Захарова 1928 г.): Историографическое исследование // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18, № 1. С. 149—164. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2019.1.12.
92. Федоров В. К. Керамические сосуды с ямочно-жемчужным орнаментом у ранних кочевников Южного Приуралья: происхождение, бытование, исчезновение // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 88—100. DOI: 10.20874/2071-0437-2022-56-1-7.
93. Федоров В. К. Петр Степанович Назаров — исследователь кургана в местности Бишь-Уба Орского уезда Оренбургской области в 1890 году (курган № 1 могильника Сара) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (47). С. 256—284. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/17_47_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.17.
94. Федоров В. К., Васильев В. Н. Яковлевские курганы раннего железного века в башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 62—96.
95. Федоров В. К., Васильев В. Н. Впускное погребение из кургана № 3 могильника Сара и парные погребения ранних кочевников Южного Урала // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 378—390.
96. Черемисин Д. В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 136 с.
97. Шилов В. П., Очир-Горяева М. А. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I-II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / отв. ред. Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский. М. : Ин-т археологии РАН, 1997. С. 127—152.
98. Шульга П. И. Синьцзян в VIII—III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2010. 240 с.
99. Яблонский Л. Т. Прохоровка: У истоков сарматской археологии. М. : Таус, 2010. 384 с.
100. Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В. Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. М. : Ин-т археологии РАН, 1994. Вып. 2. С. 4—60.
101. Grakov V. Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural // Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki, 1928. Т. 3. P. 25—62.
102. Louvre collections. URL: <https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010122698> (дата обращения: 27.07.2023).
103. Rawlinson G. The Five Great Monarchies of The Ancient Eastern World; or, The History, Geography, and Antiquities of Chaldaea, Assyria, Babylon, Media, and Persia. Vol. 1. 2 ed. New York : Dodd, Mead & Company, 1871. 590 p.

References

1. A. Kh. Kurgan, raskopannyi P. S. Nazarovym v Orskom uезде Orenburgskoi gub. [A. Kh. Kurgan, excavated by P. S. Nazarov in the Orsk district of the Orenburg province]. *Dnevnik Antropologicheskogo otdela* [Diary of the Anthropological Department]. Moscow, T-vo Skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1890, is. 8. Stb. 298—302. (Izvestiya Obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Moskovskom universitete, vol. 68. Trudy Antropologicheskogo otdela, vol. 12). (In Russian)
2. *Alginskii raion: Pamyatniki prirodnogo i istoriko-kul'turnogo naslediya Aktyubinskoi oblasti. T. 5* [Alginsky district: Monuments of natural, historical and cultural heritage of the Aktobe region. Vol. 5]. Aktobe, Aktyubinskii oblastnoi tsentr istorii, etnografii i arkheologii Publ., 2010. 190 p. (In Russian)
3. Altukhov N. V. Taz iz kurgana Orskogo u. Orenburgskoi gubernii [Pelvic bones from the mound of Orsk district. Orenburg province]. *Dnevnik antropologicheskogo otdela* [Diary of the anthropological department]. Moscow, T-vo Skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1890, is. 10. Stb. 417. (Izvestiya Obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Moskovskom universitete, vol. 68. Trudy Antropologicheskogo otdela, vol. 12). (In Russian)

4. *Arkheologiya: ucheb. dlya stud. vuzov* [Archeology. Textbook for universities students]. Moscow, Mosk. un-t Publ., 2006. 608 p. (In Russian)
5. Bartts G., Kenig E. *Luvr. Stat'i Kh. Kelera, M. Zaidelya, I. Vilyaitnera* [Louvre. Articles by H. Köhler, M. Seidel, I. Willeitner]. KÖNEMANN Publ., 2007. 626 p. (Iskusstvo i arkhitektura). (In Russian)
6. Batchaev V. M. *Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov* [Antiquities of the Pre-Scythian and Scythian periods]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972—1979 gg.* [Archaeological research on new buildings in Kabardino-Balkaria in 1972—1979]. Nalchik, El'brus Publ., 1985. Vol. 2. *Pamyatniki epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza (IX—VII vv. do n.e. — II v. n.e.)*, pp. 7—115. (In Russian)
7. Berkhin-Zasetskaya I. P., Malovitskaya L. Ya. *Bogatoe savromatskoe pogrebenie v Astrakhanskoi oblasti* [Rich Sauromatian burial in the Astrakhan region]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1965, no. 3, pp. 143—153. (In Russian)
8. Bespalyi E. I., Parusimov I. N. *Kompleksy perekhodnogo i ranneskifskogo periodov na Nizhnem Donu* [Complexes of the transitional and early Scythian periods on the Lower Don]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1991, no. 3, pp. 179—195. (In Russian)
9. Bisembaev A. A., Zhambulatov K. A., Khavanskii A. I., Akhatov G. A., Zhanuzak R. Zh. *Nekotorye itogi issledovaniya elitnykh pamyatnikov rannego zheleznogo veka v Aktyubinskoi oblasti* [Some results of the study of elite monuments of the early Iron Age in the Aktobe region]. *Prizvanie — arkheologiya: sb. vospominanii i nauchnykh statei (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya A. Kh. Pshenichnyuka i 35-letiyu nachala issledovaniya Filippovskikh kurganov)* [Vocation — archeology. Collect. memoirs and sci. art. (to the 85th anniversary of the birth of A. Kh. Pshenichnyuk and the 35th anniversary of the beginning of the study of the Filippovsky mounds)]. Ufa, Dialog Publ., 2022, pp. 289—298. (In Russian)
10. Bisembaev A. A., Mamedov A. M., Duisengali M. N., Mamirov T. B. *Rezultaty rabot Oblastnogo tsentra istorii, etnografii i arkheologii v Aktyubinskoi oblasti v 2006—2012 gg.* [Results of the work of the Regional Center of History, Ethnography and Archeology in the Aktobe region in 2006—2012]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Kadyrbaevskie chteniya-2012" (14—15 noyabrya 2012 g.)* [Proceed. of the III Internat. sci. conf. "Kadyrbaev Readings-2012" (Nov. 14—15, 2012)]. Aktobe, Aktyubinskii oblastnoi tsentr istorii, etnografii i arkheologii Publ., 2012, pp. 514—519. (In Russian)
11. Bobrinskii A. A. *Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely. T. 2* [Mounds and random archaeological finds near the town of Smela. Vol. 2]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balashova Publ., 1894. 234 p., 30 sh. il., 2 sh. maps. (In Russian)
12. Bobrinskii A. A. *Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely. T. 3* [Mounds and random archaeological finds near the town of Smela. Vol. 3]. St. Petersburg, Tip. Glavnogo upravleniya udelov Publ., 1901. 174 p., 23 sh. il., plan. (In Russian)
13. Bytkovskii O. F. *K voprosu o geograficheskoi lokalizatsii kurgana v urochishche Bish-Oba (po dannym istoriograficheskikh issledovaniy)* [On the issue of the geographical localization of the mound in the Bish-Oba tract (according to historiographic studies)]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. "Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii", posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhd. K. F. Smirnova: sb. statei* [Konstantin Fedorovich Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology. Proceed. of the IX International sci. conf. "Problems of Sarmatian archeology and history", dedicated to the 100th anniversary of K. F. Smirnov birth. Collect. of articles]. Orenburg, OGPU Publ., 2016, pp. 43—50. (In Russian)
14. Vainberg B. I., Levina L. M. *Chirikrabskaya kul'tura* [Chirikrabort culture]. Moscow, In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya Publ., 1993. 130 p., 85 ill. (In Russian)
15. Vasil'ev V. N., Fedorov V. K. *Kurgany Yuzhnogo Zaural'ya. Kn. 2. Baimakskii raion Respubliki Bashkortostan* [Mounds of the Southern Trans-Urals. Book 2. Baymak district of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, Dialog Publ., 2021. 132 p. (In Russian)
16. Vasil'ev I. B., Matveeva G. I. *U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ya* [At the origins of the Samara Volga region history]. Kuibyshev, Kuibysk. kn. izd-vo Publ., 1986. 232 p. (In Russian)
17. Vasil'ev S. A. *Predmet neizvestnogo naznacheniya iz fondov Kazanskogo muzeya* [An object of unknown purpose from the collections of the Kazan Museum]. *Evrasiya skvoz' veka: sb. nauch. tr., posvyashch. 60-letiyu so dnya rozhd. Dmitriya Glebovicha Savinova* [Eurasia through the centuries. Collect. sci. articles, dedicated to the 60th birthday of Dmitry Glebovich Savinov]. St. Petersburg, Filol. fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2001, pp. 77—80. (In Russian)
18. Vasil'ev S. A. *Iskusstvo drevnego naseleniya Volgo-Kam'ya v anan'inskuyu epokhu (istoki i formirovanie): dis. ... kand. ist. nauk* [The art of the ancient population of Volga-Kama in the Ananyin era (origins and formation). Cand. Dis.]. St. Petersburg, 2002. 513 p. (In Russian)

19. Vil'danova E. V. Problema sushchestvovaniya "torgovogo puti Gerodota": Istoriograficheskii aspekt [The issue of existence of the "Herodotus trade route": a historiographic aspect]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei — Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2020, no. 5, pp. 137—142. DOI : 10.24411/2587-6112-2020-10051. (In Russian)
20. Vinogradov V. B. Novogroznenskii kobanskii mogil'nik VI—V vv. do n.e. [Novogrozny Koban burial ground of the 6—5th centuries BC]. *Arkheologicheskie pamyatniki Checheno-Ingushetii* [Archaeological monuments of Checheno-Ingushetia]. Groznyi, Checheno-ingushskii in-t istorii, sotsiologii i filologii Publ., 1979, pp. 24—37. (In Russian)
21. *Glavnaya inventarnaya kniga Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Main inventory book of the State Historical Museum]. (In Russian)
22. Grakov B. Chi mala Ol'viya torgovel'ni znosini z Povolzhiam i Priural'yam v arkhaiskuyu i klasicheskuyu epokhu? (Do pitannya pro sukhoputnii torgovel'nii shlyakh cherez Skifiyu za Gerodotom) [Did Olbia have trade relations with the Volga region and the Urals in the archaic and classical eras? (On the question of the overland trade route through Scythia according to Herodotus)]. *Arkheologiya. I* [Archaeology. I]. Kiev, Vid. AN URSSR Publ., 1947, pp. 23—38. (In Ukrainian)
23. Grakov B. N. *GYHAIKOKPATOYMEHOI (perezhitki matriarkhata u sarmatov)* [GYHAIKOKPATOYMEHOI (remnants of matriarchy among the Sarmatians)]. *Vestnik drevnei istorii*, 1947, no. 3, pp. 100—121. (In Russian)
24. Grakov B. N. Zametki po skifo-sarmatskoi arkheologii [Notes on Scythian-Sarmatian archeology]. *Novoe v sovetskoi arkheologii: Pamyati Sergeya Vladimirovicha Kiseleva. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya* [New in Soviet archeology: In memory of Sergei Vladimirovich Kiselev. To his 60th birthday]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 215—219. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. No. 130). (In Russian)
25. Grakov B. N. Pamyatniki skifskoi kul'tury mezhdou Volgoi i Ural'skimi gorami [Monuments of Scythian culture between the Volga and the Ural Mountains]. *Evraziiskie drevnosti: 100 let B. N. Grakovu. Arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i* [Eurasian antiquities: 100 years of B. N. Grakov. Archive materials, publications, articles]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 1999, pp. 7—33. (In Russian)
26. Gutsal A. F., Gutsal V. A., Mogilov A. D. Novye issledovaniya kurganov skifskogo vremeni na zapade Vostochnoevropeiskoi lesostepi [New studies of mounds of the Scythian time in the west of the Eastern European forest-steppe]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Kadyrbaevskie chteniya-2012" (14—15 noyabrya 2012 g.)* [Proceed. of the III Internat. sci. conf. "Kadyrbaev Readings-2012" (Nov. 14—15, 2012)]. Aktobe, Aktyubinskii oblastnoi tsentr istorii, etnografii i arkheologii Publ., 2012, pp. 141—153. (In Russian)
27. Gutsalov S. Yu. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII—I vv. do n.e.* [Ancient nomads of the Southern Urals VII—I centuries BC]. Uralsk, Zapadno-Kazakhstanskii tsentr istorii i arkheologii Publ., 2004. 136 p. (In Russian)
28. Gutsalov S. Yu. Pogrebal'nyi obryad kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v kontse VI—V vv. do n.e.: Istoki [Funeral rite of the nomads of the Southern Urals at the end of the 6—5th centuries BC: Origins]. *Pogrebal'nyi obryad rannikh kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. (11—15 maya 2011 g., Rostov-na-Donu, Kagal'nik)* [Funeral rite of the early nomads of Eurasia. Proceed. of the VII Internat. sci. conf. (May 11—15, 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik)]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN Publ., 2011, pp. 49—56. (In Russian)
29. Dvornichenko V. V., Plakhov V. V., Ochir-Goryaeva M. A. Pogrebeniya rannikh kochevnikov iz Nizhnego Povolzh'ya [Burials of early nomads from the Lower Volga region]. *Rossiiskaya arkheologiya — Russian Archaeology*, 1997, no. 3, pp. 127—141. (In Russian)
30. *Drevnosti Pridneprov'ya: Epokha, predshestvuyushchaya velikomu pereseleniyu narodov (Ch. 2)* [Antiquities of the Dnieper: The era preceding the great migration of peoples (Part 2)]. Kiev, Tipografiya i fotografyura S. V. Kul'zhenko Publ., 1900. 64 p. (Sobranie B. N. i V. I. Khanenko. Is. 3). (In Russian)
31. *Evraziya v skifskuyu epokhu: Radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya* [Eurasia in the Scythian Age: Radiocarbon and Archaeological Chronology]. St. Petersburg, TEZA Publ., 2005. 290 p. (In Russian)
32. Zhelezchikov B. F. Istoriya izucheniya pamyatnikov savromatskogo vremeni [History of the study of monuments of the Sauromatian period]. *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoi Sarmatii* [Statistical processing of funerary monuments of Asian Sarmatia]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 1994, is. 1. Savromatskaya epokha, pp. 27—37. (In Russian)
33. Zhelezchikov B. F., Sergatskov I. V., Skripkin A. S. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Povolzh'ya po pis'mennym i arkheologicheskim istochnikam: ucheb. posobie* [Ancient history of the Lower Volga region according to written and archaeological sources. Textbook]. Volgograd, Volgogr. gos. un-t Publ., 1995. 128 p. (In Russian)
34. Zbrueva A. V. *Istoriya naseleniya Prikam'ya v anan'inskuyu epokhu* [History of the population of the Kama region in the Ananyin era]. Moscow, AN SSSR Publ., 1952. 328 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. No. 30). (In Russian)

35. Zuev V. Yu. Bosporskii tranzitnyi put' rasprostraneniya grecheskikh zerkal v epokhu arkhaiki (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov i sluchainykh nakhodok) [Bosporan transit route of distribution of Greek mirrors in the archaic era (based on materials from funerary monuments and random finds)]. *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva: materialy kruglogo stola, posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhd. Mikhaila Moiseevicha Kublanova (1914—1998)* [Funerary culture of the Bosporan kingdom. Proceed. of the round table, dedicated to the 100th anniversary of Mikhail Moiseevich Kublanov (1914—1998)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 66—94. (In Russian)
36. Zuev V. Yu. Tret'ya seriya zerkal borisfenitskogo tipa (k voprosu o klassifikatsii massovogo arkheologicheskogo materiala epokhi arkhaiki) [The third series of Borysthenes type mirrors (on the classification of mass archaeological material from the Archaic Era)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya — Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*, 2019, no. 11, pp. 73—145. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00003. (In Russian)
37. Igumensheva E. V. Puti proniknoveniya importnykh izdelii na territoriyu Yuzhnogo Priural'ya v "savromatskuyu" i rannesarmatskuyu epokhi [Imported artifacts and the ways of their arrival to the South Urals in the Sauromatian and Early Sarmatian time (historiography of the issue)]. *Rossiiskaya arkheologiya — Russian Archaeology*, 2011, no. 1, pp. 62—67. (In Russian) (In Russian)
39. Il'inskaya V. A. Kurgany skifskogo vremeni v basseine reki Suly (Po raskopkam I. A. Linnichenko) [Mounds of the Scythian time in the Sula River basin (According to excavations by I. A. Linnichenko)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury*, 1954, is. 54, pp. 24—41. (In Russian)
40. Ismagil R., Sungatov F. A. *Pamyatniki yaitskoi kul'tury poslednei chetverti V—IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Monuments of the Yaik culture of the last quarter of the 5—4th centuries BC in the Southern Urals]. Ufa, Belaya reka Publ., 2013. 224 p. (In Russian)
41. Kadyrbaev M. K., Kurmankulov Zh. K. Pogrebenie zhritsy, obnaryuzhennoe v Aktyubinskoi oblasti [Burial of a priestess discovered in the Aktobe region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief message of the Institute of Archeology]. Moscow, Nauka Publ., 1978, is. 154: Rannie kochevniki, pp. 65—70. (In Russian)
42. Kastan'e I. A. Drevnosti Kirgizskoi stepi i Orenburgskogo kraya [Antiquities of the Kyrgyz steppe and Orenburg region]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Orenburg, Tipo-lit. T-va "Karimov, Khusainov i Ko" Publ., 1910, is. 22. 330 p. (In Russian)
43. Kleshchenko E. A., Kuptsova L. V., Svirkina N. G., Dobrovol'skaya M. V., Guseva V. P., Kryukova E. A. Sozhzhennye sarmatskie pogrebeniya IV v. do n.e.: metodicheskie aspekty izucheniya ostankov (po materialam I kurgana III kurgannogo mogil'nika u s. Totskoe Orenburgskoi oblasti) [Burnt Sarmatian burials of the 4th century BC. Methodological aspects of the study of remains (based on materials from mound I of the III burial mound near the village of Totskoye, Orenburg region)]. *Metodicheskie aspekty izucheniya drevnykh i srednevekovykh krematsii: sb. tez.* [Methodological aspects of the study of ancient and medieval cremations. Collect. abstr.]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 2021, pp. 47—52. (In Russian)
44. Kozenkova V. I. Vostochnokobanskije drevnosti kak proyavlenie fenotipa v etnogeneze vainakhov [Eastern Koban antiquities as a manifestation of a phenotype in the ethnogenesis of the Vainakhs]. *Evrasijskie drevnosti: 100 let B. N. Grakovu. Arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i* [Eurasian antiquities. 100 years of B. N. Grakov. Archive materials, publications, articles]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 1999, pp. 185—194. (In Russian)
45. Kozenkova V. I. *Kobanskaya kul'tura i okruzhayushchii mir (vzaimosvyazi, problemy sud'by i sledov raznokul'turnykh infil'tratsii v mestnoi srede)* [Koban culture and the surrounding world (interrelations, problems of fate and traces of multicultural infiltrations in the local environment)]. Moscow, Taus Publ., 2013. 252 p. (In Russian)
46. *Kollektsii Filippovskikh kurganov iz fondov Muzeya arkheologii i etnografii IEI UFITs RAN: katalog* [Collections of the Filippovsky burial mounds from the collections of the Museum of Archeology and Ethnography IES UFRC RAS. Catalog]. Ufa, Kitap Publ., 2018. 400 p. (In Russian)
47. Korenyako V. A., Luk'yashko S. I. Novye materialy ranneskifskogo vremeni na levoberezh'e Nizhnego Dona [New materials of the Early Scythian period on the left bank of the Lower Don]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1982, no. 3, pp. 149—164. (In Russian)
48. Korol'kova E. F. *Zverinyi stil' Evrazii: Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII—IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoi prinadlezhnosti* [Animal style of Eurasia. The art of the tribes of the Lower Volga region and the Southern Urals in the Scythian era (VII—IV centuries BC). Problems of style and ethnocultural affiliation]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006. 272 p. (In Russian)
49. Kosintsev P. A. Kostnye ostatki zhivotnykh iz mogil'nikov Pokrovka 1, 2 i 8 [Bone remains of animals from burial grounds Pokrovka 1, 2 and 8]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Mounds of the left bank Ilek]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 1995, is. 3, pp. 79—99. (In Russian)

50. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 320 p. (In Russian)
51. Kuznetsova T. M. *Zerkala Skifii VI—III veka do n.e. T. 1* [Mirrors of Scythia 6—3rd centuries BC. Vol. 1]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 352 p. (In Russian)
52. Mazhitov N. A., Pshenichnyuk A. Kh. Kurgany rannesarmatskoi kul'tury v yuzhnoi i yugo-vostochnoi Bashkirii [Mounds of the Early Sarmatian culture in Southern and Southeastern Bashkiria]. *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala* [Research on the archeology of the Southern Urals]. Ufa, BFAN SSSR Publ., 1977, pp. 52—66. (In Russian)
53. Mamontov V. I. Kurgannyi mogil'nik "Koroli" [Burial ground "Koroli"]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei* [Materials on the archeology of Volga-Don steppes]. Volgograd, Volgogr. gos. un-t Publ., 2001, is. 1, pp. 110—127. (In Russian)
54. Marsadolov L. S. "Olennye" kamni iz poselka Arzhan v tsentre Azii ["Olennye" stones from the village of Arzhan in the center of Asia]. *Drevnosti Evrazii. Ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ya* [Antiquities of Eurasia. From the Early Bronze Age to the Early Middle Ages]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 2005, pp. 301—311. (In Russian)
55. Matveeva G. I. *Arkheologicheskie pamyatniki zheleznogo veka na territorii Kuibyshevskoi oblasti: ucheb. posobie* [Archaeological monuments of the Iron Age on the territory of the Kuibyshev region. Textbook]. Kuibyshev, Kuibyshev. gos. un-t Publ., 1980. 96 p. (In Russian)
56. Matveeva G. I. Pogrebenie savromatskogo vremeni u s. Andreevka v Samarskom Zavolzh'e [Burial of the Sauromatian period near the Andreevka village in the Samara Trans-Volga region]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya* [Questions of archeology of the Volga region]. Samara, Nauchno-tehnicheskii tsentr Publ., 2006, is. 4, pp. 377—379. (In Russian)
57. Makhortkykh S. V. K voprosu o kontaktakh naseleniya Predkavkaz'ya s Povolzh'em i Yuzhnym Uralom v VI v. do n.e. [On the issue of contacts between the population of the Cis-Caucas and the Volga region and the Southern Urals in the 6th century BC]. *Saki i savromaty kazakhskikh stepei: Kontakt kul'tur: sb. nauch. statei, posvyashch. pamyati arkheologa Bekena Nurmukhanbetova* [Saki and Sauromats of the Kazakh steppes. Contact of cultures. Collect. sci. art. in memory of archaeologist Beken Nurmukhanbetov]. Almaty, In-t arkheologii im. A. Kh. Margulana Publ., 2016, pp. 128—141. (In Russian)
58. Miller A. A. Raskopki u stanitsy Elisavetovskoi v 1911 godu [Excavations near the Elisavetovskaya village in 1911]. *Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission]. Petrograd, Tip. Glavnogo upravleniya udelov Publ., 1914, is. 56, pp. 220—247. (In Russian)
59. Myshkin V. N., Skarbovenko V. A. *Savromatskie i rannesarmatskie pogrebeniya Samarskogo Zavolzh'ya (po itogam raskopok 1974—1987 gg.)* [Sauromatian and early Sarmatian burials of the Samara Trans-Volga region (based on the results of excavations in 1974—1987)]. *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes]. Samara, Oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei im. P. V. Alabina Publ., 1996, is. 8, pp. 196—222. (In Russian)
60. Myshkin V. N., Skarbovenko V. A. Kochevniki Samarskogo Povolzh'ya v rannem zheleznom veke [Nomads of the Samara Volga region in the early Iron Age]. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneishikh vremen do nashikh dni. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e* [History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. Early Iron Age and Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 9—81. (In Russian)
61. Nefedov F. D. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Yuzhnom Priural'e, proizvedennykh letom 1887 i 1888 gg. [Report on archaeological research in the Southern Urals, carried out in the summer of 1887 and 1888]. *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii, izdavaemye Imperatorskim Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom* [Materials on the archeology of the eastern provinces, published by the Imperial Moscow Archaeological Society]. Moscow, Tip. N. N. Sharapova Publ., 1899, vol. 3, pp. 1—41, tabl. 1—9. (In Russian)
62. Ol'govskii S. Ya. O karavannom puti iz Ol'vii na Ural i v Povolzh'e i voprosy proiskhozhdeniya zerkal i krestovidnykh blyakh [The caravan route from Olbia to the Urals and the Volga region and the issues of the origin of mirrors and cruciform plaques]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei — Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2017, no. 3, pp. 209—223. (In Russian)
63. Ol'khovskii V. S. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoi Skifii (VII—III vv. do n.e.)* [Funeral and memorial rituals of the population of steppe Scythia (VII—III centuries BC)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 356 p. (In Russian)
64. Onaiko N. A. *Antichnyi import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v VII—V vekakh do n.e.* [Antique imports to the Cis-Dnieper and Bug region in the 7—5th centuries BC]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 120 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Is. D1-27). (In Russian)
65. Perevodchikova E. V. *Yazyk zverinykh obrazov: Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi* [The language of animal images: Essays on the art of the Eurasian steppes of the Scythian era]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1994. 208 p. (In Russian)

66. Polidovich Yu. B. *Nakhodki predmetov “antichnogo kruga” VI v. do n.e. na territorii Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [Finds of objects from the “ancient circle” of the 6th century BC on the territory of the Lower Volga region and the Southern Cis-Urals]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya: Problemy, poiski, otkrytiya: materialy III Mezhdunar. Nizhnevolzhsk. arkheol. konf. (Astrakhan, 18—21 okt. 2010 g.)* [Archeology of the Lower Volga region. Problems, searches, discoveries. Proceed. of the III Internat. Nizhnevolzhsk archeological conf. (Astrakhan, Oct. 18—21, 2010)]. Astrakhan, Astrakhanskii universitet Publ., 2010, pp. 190—196. (In Russian)
67. Pshenichnyuk A. Kh. *Filippovka: Nekropol' kochevoi znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka: Necropolis of the nomadic nobility of the 4th century BC in the Southern Urals]. Ufa, IYaL UNTs RAN Publ., 2012. 280 p. (In Russian)
68. Radlov V. V. *Sibirskie drevnosti. T. 1 (vyp. 3)* [Siberian antiquities. Vol. 1 (is. 3)]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1894. 146 p. (In Russian)
69. Rostovtsev M. I. *Kurgannye nakhodki Orenburgskoi oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma* [Burial finds of the Orenburg region of the early and late Hellenistic era]. Petrograd, Devyataya Gos. tip. Publ., 1918. 106 p., VII tabl. (In Russian)
70. Rostovtsev M. I. *Skifiya i Bospor: Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh* [Scythia and Bosphorus: Critical review of literary and archaeological monuments]. Leningrad, Tip. 1-i Leningradskoi Trudovoi arteli pechatnikov Publ., 1925. 624 p. (In Russian)
71. Rukavishnikova I. V., Yablonskii L. T. *Kostyanye izdeliya v zverinom stile iz mogil'nika Filippovka I* [Bone items in animal style from the Filippovka I burial ground]. *Problemy sovremennoi arkheologii: sb. pamyati V. A. Bashilova* [Problems of modern archeology. Collect. art. in memory of V. A. Bashilov]. Moscow, TAUS Publ., 2008, pp. 199—238. (In Russian)
72. Semenov V. A., Kilunovskaya M. E., Chugunov K. V. *Arkheologicheskie issledovaniya na pravoberezh'e Ulug-Khema* [Archaeological research on the right bank of Ulug-Khem]. *Yuzhnaya Sibir' v drevnosti. Arkheologicheskie izyskaniya* [Southern Siberia in antiquity. Archaeological research]. St. Petersburg, IIMK Publ., 1995, is. 24, pp. 23—30. (In Russian)
73. Smirnov K. F. *Savromaty: Rannaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Savromats. Early history and culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 380 p. (In Russian)
74. Smirnov K. F. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on Ilek]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 176 p. (In Russian)
75. Smirnov K. F. *Savromato-sarmatskii zverinyi stil'* [Sauromato-Sarmatian animal style]. *Skifo-sibirskii zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii* [Scythian-Siberian animal style in the art of the peoples of Eurasia]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 74—89. (In Russian)
76. Smirnov K. F. *Orskie kurgany rannikh kochevnikov* [Orsk mounds of early nomads]. *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala* [Research on the archeology of the Southern Urals]. Ufa, BFAN SSSR Publ., 1977, pp. 3—51. (In Russian)
77. Smirnov K. F. *Bogatye zakhroneniya i nekotorye voprosy sotsial'noi zhizni kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v skifskoe vremya* [Rich burials and some issues of the social life of the nomads of the Southern Urals in Scythian times]. *Materialy po khozyaistvu i obshchestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala* [Materials on the economy and social structure of the tribes of the Southern Urals]. Ufa, BFAN SSSR Publ., 1981, pp. 68—90. (In Russian)
78. Smirnov K. F., Petrenko V. G. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [Sauromats of the Volga and Southern Urals]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963. 40 p., 30 tabl. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Is. D1-9). (In Russian)
79. Smirnov K. F., Popov S. A. *Savromato-sarmatskie kurgany u s. Lipovka Orenburgskoi oblasti* [Savromato-Sarmatian mounds near the village Lipovka, Orenburg region]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoi Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian time]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 3—26. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. No. 153). (In Russian)
80. Spitsyn A. A. *Arkheologicheskie razyskaniya o drevneishikh obitatel'nykh Vyatskoi gubernii* [Archaeological research about the ancient inhabitants of the Vyatka province]. Moscow, Tip. E. Lissnera i Yu. Romana Publ., 1893. 192 p., XIII tabl. (Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii, sobrannyye i izdannyye Imperatorskim Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom na Vysochaishe darovannyye sredstva. Is. 1). (In Russian)
81. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppes of the European part of the USSR in Scythian-Sarmatian times]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 464 p. (In Russian)
82. Tairov A. D. *Yuzhnyi Ural v epokhu rannikh kochevnikov* [Southern Urals in the era of early nomads]. Chelyabinsk, Izdat. tsentr YuUrGU Publ., 2019. 400 p. (Istoriya Yuzhnogo Urala. Vol. 3). (In Russian)
83. Tairov A. D., Bushmakina A. F. *Mineral'nye poroshki iz kurganov Yuzhnogo Urala i Severnogo Kazakhstana* [Mineral powders from mounds of the Southern Urals and Northern Kazakhstan]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik — Ufa Archaeological Herald*, 2001, is. 3, pp. 168—177. (In Russian)

84. Tolstov S. P. *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta* [Along the ancient deltas of Oxus and Jaxartes]. Moscow, Izd-vo vostochnoi literatury Publ., 1962. 324 p. (In Russian)

85. Farmakovskii B. V. Arkhaicheskii period v Rossii: Pamyatniki grecheskogo arkhaiskogo i drevnego vostochnogo iskusstva, naidennye v grecheskikh koloniyakh po severnomu beregu Chernogo morya i v kurganakh Skifii i na Kavkaze [Archaic period in Russia: Monuments of Greek archaic and ancient oriental art found in the Greek colonies along the northern shore of the Black Sea and in the mounds of Scythia and the Caucasus]. *Doklady, chitannye na Londonskom mezhdunarodnom kongresse istorikov v marte 1913 g.* [Reports read at the London international congress of historians in March 1913]. Petrograd, Tip. Glavnogo upravleniya udelov Publ., 1914, pp. 15—78, tabl. I—XXIX. (Materialy po arkheologii Rossii, izdavaemye Imperatorskoi arkheologicheskoi komissiei. No. 34). (In Russian)

86. Fedorov V. K. Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh letom 1993 goda v Kuvandykskom raione Orenburgskoi oblasti (kurgannyi mogil'nik Sara) [Scientific report on archaeological excavations in the summer of 1993 in the Kuvandyk district of the Orenburg region (Sara burial mound)]. *Nauchnyi arkhiv Natsional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan* [Scientific archive of the National Museum of the Republic of Bashkortostan]. Op. 1, no. 445. (In Russian)

87. Fedorov V. K. K voprosu o kul'te medvedya u rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [On the issue of the bear cult among early nomads of the Southern Urals]. *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie: materialy mezhdunar. nauch. konf. 6—10 okt. 2003 g.* [International (XVI Ural) Archaeological Meeting. Proceed. of the Internat. sci. conf. 6—10 Oct., 2003]. Perm, Permskii gos. un-t Publ., 2003, pp. 222—223. (In Russian)

88. Fedorov V. K. Istoriya issledovaniya kurganov u sela Sara v Vostochnom Orenburzh'e [The history of exploring burial mounds near the village of Sarah in East Orenburg region]. *Vestnik VEGU*, 2013, no. 5 (67), pp. 134—143. (In Russian)

89. Fedorov V. K. Izobrazhenie “kopytnogo khishchnika” na kostyanoi lozhechke iz mogil'nika Sara v Vostochnom Orenburzh'e [“Hoofed carnivore” image carved on a bone spoon from the Sara burial ground, Eastern Orenburg region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii — Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2014, no. 3 (59), pp. 55—65. (In Russian)

90. Fedorov V. K. Ser'gi iz mogil'nika Sara v Orenburgskoi oblasti [Earrings from Sara burial ground in Orenburg region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2015, no. 2 (29), pp. 69—79. (In Russian)

91. Fedorov V. K. Kurgan 7 mogil'nika Sara (raskopki D. I. Zakharova 1928 g.): Istoriograficheskoe issledovanie [Burial Mound 7 of Sara Burial Ground (D. I. Zakharov's Excavations, 1928). Historiographic Research]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik — The Lower Volga Archaeological Bulletin*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 149—164. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2019.1.12. (In Russian)

92. Fedorov V. K. Keramicheskie sosudy s yamochno-zhemchuzhnym ornamentom u rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya: proiskhozhdenie, bytovanie, ischeznovenie [Pottery vessels of the early Southern Ural nomads with dimple-pearl ornament. Origins, existence, disappearance]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2022, no. 1 (56), pp. 88—100. DOI: 10.20874/2071-0437-2022-56-1-7. (In Russian)

93. Fedorov V. K. Petr Stepanovich Nazarov — issledovatel' kurgana v mestnosti Bish'-Uba Orskogo uezda Orenburgskoi oblasti v 1890 godu (kurgan № 1 mogil'nika Sara) [Pyotr Stepanovich Nazarov — researcher of the mound in the Bish-Uba area of the Orsk District of the Orenburg Province in 1890 (burial mound No. 1 of the Sara burial ground)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 3 (47), pp. 256—284. Available at: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/17_47_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.17. (In Russian)

94. Fedorov V. K., Vasil'ev V. N. Yakovlevskie kurgany rannego zheleznoogo veka v bashkirskom Zaural'e [Yakovlevsky mounds of the early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik — Ufa Archaeological Herald*, 1998, is. 1, pp. 62—96. (In Russian)

95. Fedorov V. K., Vasil'ev V. N. Vpusknoe pogrebenie iz kurgana № 3 mogil'nika Sara i parnye pogrebeniya rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [Intake burial from mound No. 3 of the Sara burial ground and paired burials of the early nomads of the Southern Urals]. *Arii stepei Evrazii: Epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh: sb. pamyati E. E. Kuz'minoy* [Arians of the Eurasian steppes. The Bronze and Early Iron Age in the Eurasian steppes and adjacent territories. Collect. art. in memory of E. E. Kuzmina]. Barnaul, Altaiskii gos. un-t Publ., 2014, pp. 378—390. (In Russian)

96. Cheremisin D. V. *Iskusstvo zverinogo stilya v pogrebal'nykh kompleksakh ryadovogo naseleniya pazyrykskoi kul'tury: Semantika zverinykh obrazov v kontekste pogrebal'nogo obryada* [The art of animal style in the funeral complexes of the ordinary population of the Pazyryk culture: Semantics of animal images in the context of a funeral rite]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., 2008. 136 p. (In Russian)

97. Shilov V. P., Ochir-Goryaeva M. A. Kurgany skifskoi epokhi iz mogil'nikov Aksenovskii-I-II [Mounds of the Scythian era from the Aksenovsky-I-II burial grounds]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoi Evropy* [Monuments of the Pre-Scythian and Scythian times in the south of Eastern Europe]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 1997, pp. 127—152. (In Russian)

98. Shul'ga P. I. *Sin' tszyan v VIII—III vv. do n.e. Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya* [Xinjiang in the 8—3rd centuries BC Funeral complexes. Chronology and periodization]. Barnaul, AltGTU Publ., 2010. 240 p. (In Russian)

99. Yablonskii L. T. *Prokhorovka: U istokov sarmatskoi arkheologii* [Prokhorovka: At the origins of Sarmatian archeology]. Moscow, Taus Publ., 2010. 384 p. (In Russian)

100. Yablonskii L. T., Trunaeva T. N., Vedder Dzh., Devis-Kimball Dzh., Egorov V. L. Raskopki kurgannykh mogil'nikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1993 godu [Excavations of the Pokrovka 1 and Pokrovka 2 burial mounds in 1993]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Mounds of the left bank Ilek]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 1994, is. 2, pp. 4—60. (In Russian)

101. Grakov B. Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural. *Eurasia septentrionalis antiqua*. Helsinki, 1928, vol. 3, pp. 25—62.

102. *Louvre collections*. Available at: <https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010122698>. Accessed: 27.07.2023.

103. Rawlinson G. *The Five Great Monarchies of The Ancient Eastern World; or, The History, Geography, and Antiquities of Chaldaea, Assyria, Babylon, Media, and Persia*. Vol. 1. 2 ed. New York, Dodd, Mead & Company, 1871. 590 p.

Информация об авторе

В. К. Федоров — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Information about the author

V. K. Fedorov — Candidate of Historical Sciences, Leading Rresearcher

Статья поступила в редакцию 28.07.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 20.11.2023

The article was submitted 28.07.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 20.11.2023